

Die Melodien

aus dem alten Kirchenbuch

und Orgelbuch.

УКАЗАТЕЛЬ

К 9/1
14

ИСТОРИЧЕСКИХ ДОСТОПРИМЪЧАТЕЛЬНОСТЕЙ

Г. КАЗАНИ.

СОСТАВЛЕНЪ

Ординарнымъ Профессоромъ С. М. ШИЛЕВСКИМЪ.

Изданіе Комитета по устройству въ Казани Съезда Естествоиспытателей.

КАЗАНЬ.

въ университетской типографіи.

1873.

596-63

0-969

Комитетъ по устройству въ Казани Съезда Естествоиспытателей обратился ко мнѣ съ просьбою составить указатель историческихъ достопримѣчательностей г. Казани, который могъ бы служить руководствомъ для ознакомленія съ городомъ лицъ имѣющихъ прибыть въ Казань на Съездъ. Я согласился на предложеніе Комитета—вотъ происхожденіе настоящаго Указателя.

Ординарный профессоръ С. Шилевскій.

Названіе Казани, старая и новая Казань, развалины Болгарь. Названіе Казани происходитъ отъ татарскаго слова «казань», что значитъ котель. Такое названіе Казани нѣкоторые объясняютъ ея положеніемъ въ углубленіи, въ видѣ котла, котловины; но современная Казань носитъ названіе стараго города, который былъ на другомъ мѣстѣ, въ 45 верстахъ на сѣверо-востокъ отъ нынѣшней Казани, тоже при р. Казанкѣ. По имени этой рѣки были названы и города, а рѣка получила такое названіе отъ многихъ въ ней омутовъ и котловинъ. На мѣстѣ старой Казани въ настоящее время видны только ровъ и высокій валъ, это мѣсто называется Татарами «Иски Казань» (старая Казань).

О времени основанія старой Казани существуетъ нѣсколько указаній: одни приписываютъ основаніе ея Батюю или одному изъ сыновей его, другіе относятъ это ко времени послѣ нашествія Тамерлана. Во всякомъ случаѣ Казань является послѣ разгрома Татарами Волжско-Камскаго царства Болгарь, которое до того существовало уже нѣсколько вѣковъ, было знаменито своею торговлею и должно было уступить свое мѣсто Казанскому царству Татарь.

Памятникомъ столицы прежняго царства Болгарь остаются только немногія развалины, которыя ваходятся 100 верстъ ниже Казани, въ 6 верстахъ отъ лѣваго берега Волги. Несмотря на указы Петра I и Екатерины II о поддержаніи остат-

ковъ этой древности, они встребляются все болѣе и болѣе. По свидѣтельству самой императрицы Екатерины II, разрушенію Болгарь содѣйствовала бывшій при Елизаветѣ Петровнѣ епископомъ Казанскимъ Лука Конашевичъ, который отличался крайнею миссіонерскою ревностію. Онъ рѣшился истребить остатки этихъ развалинъ, п. ч. они почитались Татарами за святыню, сюда многіе Татары прїѣзжали для богомолья. Лука многое разломалъ, изъ развалинъ построилъ церковь, погреба и пр. Но всетаки, какъ видно изъ путешествій Палласа и Лепехина, во второй половинѣ прошлаго столѣтія Болгарскихъ памятниковъ было гораздо больше чѣмъ въ настоящее время. Г. Лаптевъ передаетъ, что, по словамъ одного казанскаго купца, торгующаго серебряными вещами, черезъ его руки прошло до 7000 (?) пудовъ серебра, добытаго на мѣстѣ развалинъ Болгарской столицы, въ видѣ монетъ и вещей. (Матеріалы для геогр. и статист. Казанская губ., сост. Лаптевъ, стр. 397).

Преемственность между царствами Болгарскимъ и Казанскимъ постоянно воспоминалась въ послѣдующее время: в. кн. Московскій Василій Дмитріевичъ, при которомъ московское войско, подъ начальствомъ брата его Юрія разорило въ 1399 г. старую Казань, наследницу Болгарскаго царства, носилъ титулъ Государя Болгаріи; одинъ изъ архиепископовъ Казанскихъ митрополитъ Іосифъ (1675—1686) назывался Казанскимъ и Болгарскимъ; Казанскіе и Сибирскіе Татары иногда называютъ себя «булгарлыкъ».

Послѣ разоренія старой Казани при в. кн. Василіи Дмитріевичѣ она уже окончательно пала, но лѣтъ 50 спустя, въ княженіе Василія Васильевича Темнаго, бывшій ханъ Золотой орды Улу-Махметъ положилъ основаніе новой, нынѣшней Казани. Съ этого времени начинается опять новая, столѣтняя борьба Казани съ Москвою, кончившаяся покореніемъ Казани при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, въ 1552 г.

Татарскія преданія, Сумбекина башня. Всѣ историческіе памятники Казани принадлежатъ къ русскому періоду исторіи Казани, большинство ихъ получило начало съ первыхъ дней завоеванія города. Отъ древняго, татарскаго періода мы не имѣемъ вещественныхъ памятниковъ, сохранились только преданія, которыя идутъ изъ старины глубокой. Таковы, напр., преданія, соединяющіяся съ построеніемъ новой Казани. Мѣсто, гдѣ основана Казань, было изобильно змѣями; особенно страшень былъ одинъ—крылатый, который жилъ на горѣ въ пещерѣ и выходилъ оттуда для утоленія жажды къ озеру, которое называлось «змѣинымъ» и «поганимъ». Гора эта называется Зилантовою—отъ татарскаго слова «дзиланъ» (змѣя); построенный на этой горѣ монастырь называется Зилантовъ; наконецъ, этимъ преданіемъ объясняется и гербъ г. Казани в Казанской губерніи—на бѣломъ полѣ черный змѣй, увѣнчанный золотою короною, съ красными крыльями.

У Татаръ вообще много преданій о различныхъ мѣстностяхъ Казани. Такъ, напр., объ озерѣ Кабанѣ, которое получило названіе отъ дикихъ свиней (кабановъ), водившихся во множествѣ въ лѣсахъ около озера, Татары рассказываютъ, что на днѣ его сидитъ злая волшебница, которая не хотѣла пережить паденія Казани; поклялась мстить Русскимъ, бросилась въ Кабанъ и понынѣ тянетъ на дно купающихся.

Много преданій соединяется и съ такъ называемою Сумбекиною башнею, которая находится въ нынѣшней крѣпости. Татары приписываютъ постройку этой башни своей царицѣ Сумбекѣ, которая играла очень важную роль въ послѣдніе годы Казанскаго царства. Она была дочь Ногайскаго князя Юсуфа, который выдалъ ее замужъ за Казанскаго царя Дженалея, получившаго Казань, по милости Московскаго вел. кн. Василія Ивановича. Казанцы были недовольны покорностью своего царя передъ Московскимъ великимъ княземъ, убили Дженалея и призвали

къ себѣ опять племянника Крымскаго хана Саипъ-Гирея, стараго соперника Москвы—Сафа-Гирея, который незадолго передъ этимъ былъ изгнанъ изъ Казани. Сумбека стала женою новаго Казанскаго царя, а по смерти его оставалась правительницею за малолѣтствомъ своего сына отъ Сафа-Гирея. Сумбека была во главѣ крымской партіи, враждовавшей въ Казани противъ Москвы, за правительницу управлялъ крымскій татаринъ Кошакъ, сдѣлавшійся любовникомъ правительницы и надѣявшійся самъ захватить Казанскій престолъ, но онъ попался въ плѣнъ Русскимъ и казненъ. Въ это время въ Москвѣ государемъ былъ уже Иванъ Васильевичъ, онъ потребовалъ выдачи Сумбеки и ея сына. Казанцы, потерѣвшіе пораженіе отъ московскаго войска, должны были исполнить это требованіе и Сумбека была отпращена въ Москву. Нѣкоторые лѣтописцы распространяются о подробностяхъ плѣненія Сумбеки и о прощаніи ея съ Казанью; у татаръ, какъ говорятъ, даже сохранился письменно плачь Сумбеки на гробѣ ея втораго мужа Сафа-Гирея и въ путешествіе по Волгѣ; нѣкоторыя мѣста этого плача считаются пророческими. Впослѣдствіи, именно въ годъ занятія Казани, передъ послѣднимъ казанскимъ походомъ, Сумбека была отдана въ жены бывшему сопернику ея втораго мужа, подручнику Іоанна—Шигъ-Алею, брату перваго мужа Сумбеки—Дженалея. Этой Сумбекѣ, жизнь которой богата такими превратностями, Татары приписываютъ построеніе башни, которой придаютъ особенное значеніе; но современные археологи утверждаютъ, что эта башня позднѣйшей постройки, время царя Алексѣя Михайловича, а по мнѣнію другихъ, даже императрицы Анны Іоанновны. Считаютъ невозможнымъ, чтобы Іоаннъ IV, истребившій всѣ дома, мечети и гробницы татарскихъ царей, оставилъ эту башню; указываютъ также и на несоотвѣтственность татарскимъ постройкамъ нѣкоторыхъ архитектурныхъ принадлежностей башни. Предположеніе о по-

стройкѣ этой башни при Алексѣѣ Михайловичѣ основывается на томъ, что при возобновленіи въ послѣднее время церкви, стоящей рядомъ съ этою башнею и построенной на одномъ съ нею основаніи, въ землѣ найдены были монеты царей Мих. Ѳедор. и Ал. Мих., вѣроятно, положенныя при закладкѣ зданія. Татары соединяли и соединяють съ этою башнею различныя вѣрованія. Надъ башнею былъ поставленъ на шпигѣ шаръ, который считали золотымъ и въ которомъ предполагались сохранявшимися какія то важныя рукописи; но въ 1830 г. этотъ шаръ былъ снятъ и онъ оказался мѣднымъ и пустымъ. Нѣкоторые ревностные магометане по пятницамъ приходятъ молиться къ этой башнѣ и увѣряють, что подъ нею, въ глубокихъ нѣдрахъ земли, сокрытъ благочестивый магометанинъ, изъ черепа котораго бьетъ ключъ.

Должно замѣтить, что могилы различныхъ мусульманскихъ святыхъ чествуются во многихъ мѣстахъ Казанской губерніи, напр., въ самой Казани, близъ церкви загороднаго архіерейскаго дома, находится надгробный камень съ татарскою надписью, къ которому Татары приходятъ молиться.

Русскія преданія о разбойникахъ. Рядомъ съ татарскими преданіями о различныхъ священныхъ мѣстахъ существуютъ русскія—о мѣстностяхъ, прославившихся разбоями. Недалеко отъ Казани, по Оренбургской дорогѣ, между горными возвышеніями, находится ущелье, называемое Дунькинымъ. Народное преданіе сохранило имя разбойницы Авдотьи, которая была атаманомъ шайки и отличалась особенною свирѣпостію и неумолимостію, такъ что не одна голова, склонявшаяся къ погамъ ея съ мольбами о жизни, не поднималась отъ земли; съ такою же свирѣпостію она преслѣдовала и провинившихся передъ нею изъ своей шайки; воля ея была непреложнымъ закономъ. Эта разбойница была казнена на позорной площади. Это преданіе относится къ царствованію Мих. Ѳедор.

Особенно часты бывали разбои на Волгѣ и Камѣ, на этихъ рѣкахъ доселѣ указываютъ мѣста особенно по этому памятные. Разбоемъ занимались, даже не въ очень давнее время, казанскіе дворяне и помѣщики, напр., этимъ прославился владѣтель села Шуранъ, лежащаго въ 20 верстахъ отъ Лаишева, на правомъ берегу Камы; домъ помѣщика (г. Н...), который производилъ себя отъ Норманскихъ рыцарей, былъ огражденъ каменною стѣною; изъ дома былъ сдѣланъ подземный ходъ на Каму, откуда производились набѣги на проезжающихъ. (Заволжскій Муравей 1833 г., 1 ч., стр. 205, 206).

Только въ 1847 г. были казнены удалые разбойники Быковъ и Чайкинъ, недававшіе проходу и проезду по Казанской губерніи. Скелеты этихъ разбойниковъ стоятъ въ анатомическомъ театрѣ Казанскаго университета.

Памятники завоеванія Казани. Проломная улица. Важнѣйшіе историческіе памятники Казани принадлежатъ ко времени завоеванія Казани, они являются свидѣтелями того великаго въ русской исторіи событія, когда Москва въ первый разъ не только успѣшно отразила татарскія полчища, какъ было, напр. при Дмитріи Донскомъ и нѣсколько разъ послѣ него, но «завоевала цѣлое татарское царство».

Издавна Азія устроивала здѣсь притонъ не для кочевыхъ ордъ только, но для своей мусульманской цивилизаціи; здѣсь Азія подъ знаменемъ Магомета билась за свой послѣдній оплотъ противъ Европы; здѣсь христіанство столкнулось съ басурманствомъ, первое побѣдило, открылся свободный путь христіанской цивилизаціи на Востокъ. «До тѣхъ поръ, говоритъ новѣйшій историкъ Россіи г. Соловьевъ, пока существовала Казань, до тѣхъ поръ дальнѣйшее движеніе Европы въ Азію было невозможно.» (Исторія Россіи, т. VI, стр. 160).

Русскій народъ понималъ великое значеніе завоеванія Казани и съ этого времени величаетъ своего государя царемъ. Одна пѣсня о взятіи Казани говоритъ:

И въ то время князь воцарилсѣ,
И наслѣдъ въ Московское царство.

Казанскія стѣны послѣ семинедѣльной осады были взорваны порохомъ и русскія войска вломились въ городъ 2 октября 1552 г. Этотъ проломъ черезъ стѣны въ осажденный городъ былъ сдѣланъ со стороны поля, которое простиралось отъ Волги до города. Одна изъ улицъ, проходящихъ нынѣ вдоль города, называется Проломною, напоминая своимъ названіемъ проломъ во время взятія Казани. Гдѣ нынѣ на этой улицѣ стоитъ церковь Богоявленія, стояли одни изъ воротъ татарскаго города; послѣ взятія Казани эти ворота назывались также Проломными, поэтому впоследствии, когда самихъ воротъ уже не существовало, церковь Богоявленія называлось «у Проломныхъ воротъ.»

Получивши извѣстіе о взятіи города, Іоаннъ велѣлъ пѣть молебень подъ своимъ знаменемъ и на этомъ мѣстѣ водрузилъ крестъ, приказавши поставить здѣсь церковь (Спасская); затѣмъ въ тотъ же день велѣлъ поставить церковь въ честь мучениковъ Кириана и Устинья, память которыхъ празднуется въ день взятія Казани, 2 октября. Освятивши святою водою городскія стѣны и приказавши очистить городъ отъ труповъ убитыхъ, царь воротился въ свой лагерь. На другой день городъ былъ очищенъ, а 4 октября царь торжественно въѣхалъ въ Казань; въ этотъ день онъ указалъ мѣсто для городского собора (Благовѣщенскій) и тамъ, гдѣ долженъ быть престолъ, Іоаннъ поставилъ крестъ. На мѣстѣ, гдѣ была послѣдняя царская стоянка, государь приказалъ основать монастырь, впоследствии

переведенный нѣсколько дальше на Зилантову гору, а на мѣстѣ бывшего монастыря уже въ царствованіе Александра I былъ построенъ памятникъ въ честь убитыхъ подъ Казанью. Наконецъ царь указалъ и мѣсто для Спасо-Преображенскаго монастыря.

Спасская церковь (Военная). На царскомъ знамени Іоанна былъ вышитъ Нерукотворенный образъ Спасителя, на верху знаменнаго древка былъ водруженъ тотъ самый животворящій крестъ, который былъ у Дмитрія Донскаго на Куликовскомъ полѣ. Въ день взятія Казани, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояло это знамя во время послѣдняго приступа къ Казани, построена въ тотъ же день («обыденная») деревянная церковь и освящена во имя Нерукотвореннаго образа Спасителя.

Черезъ три года, когда Іоаннъ велѣлъ строить каменную крѣпость въ Казани, эта церковь вошла въ каменную башню крѣпости (Спасская), надъ воротами которой, вѣѣ церкви, поставленъ образъ Спасителя, списанный на доскѣ съ царскаго знамени. Впослѣдствіи богослуженіе въ Спасской церкви прекратилось, но императоръ Николай I во время пребыванія своего въ Казани въ 1836 г. приказалъ возобновить эту церковь и назначилъ ее для воинскихъ чиновъ съ особымъ при ней священникомъ изъ армейскаго духовенства. Церковь эта, сообразно своему назначенію, украшена внутри военною арматурою. Въ 1863 г. для помѣщенія иконы, стоявшей надъ воротами башни, устроено подобіе часовни съ сквозными арками вокругъ самой иконы, устроена и каменная лѣстница на башню.

Церковь Кириана и Устины также построена и освящена въ день взятія Казани, это тоже—«обыденная церковь». Изъ деревянной она перестроена въ каменную, почти черезъ 50 лѣтъ послѣ завоеванія Казани, въ 1596 г.; но фигура и величина

каменной церкви остались совершенно равными прежней деревянной. Эта церковь въ настоящее время находится въ крѣпости, недалеко отъ Спасскихъ воротъ, рядомъ съ Спасо-Преображенскимъ монастыремъ. Въ день взятія Казани, 2 октября въ эту церковь бываетъ крестный ходъ изъ Благовѣщенскаго собора.

Кафедральный Благовѣщенскій соборъ. Основаніе ему положено въ день торжественнаго въѣзда Іоанна въ Казань 4 октября, 6 октября этотъ храмъ уже былъ освященъ въ присутствіи царя; черезъ 10 лѣтъ, въ 1562 г. онъ перестроенъ въ каменный и освященъ первымъ архіепископомъ Казанскимъ св. Гуріемъ. Мощи св. Гурія, перенесенныя сюда изъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ 1650 г., почиваютъ въ серебряной вызолоченной рактѣ. Прежняя соборная церковь имѣла внутри—въ длину 18 саж. и въ ширину 7 саж. 2 арш., но въ послѣднее время значительно распространилась довольно большою пристройкою. Въ этомъ соборѣ, въ склепахъ поставлены гробницы 9 архипастырей Казанскихъ.

Въ богатой, соборной ризницѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія: ризы св. Гурія изъ простой ткани, костыль его и отломокъ отъ его дубоваго гроба, въ который онъ былъ положенъ до вскрытія его мощей. Вниманіе археолога останавливается здѣсь на рукописномъ евангеліи, привезенномъ изъ Твери вторымъ святителемъ Казанскимъ Варсонофіемъ, бывшимъ епископомъ Тверскимъ, по начавшимъ свою извѣстную дѣятельность въ качествѣ просвѣтителя инородцевъ въ Казани, пришедшимъ сюда вмѣстѣ съ Гуріемъ, въ санѣ архимандрита и для сотрудничества первому Казанскому архіепископу. По оставленіи Варсонофіемъ своей кафедры въ Твери онъ возвратился въ Казань. Принесенное имъ евангеліе относится по письму къ 1478 г.; въ соборной ризницѣ сохраняются и клубуки, вязанные рукою Варсофія.

Въ этой разницѣ археологическое вниманіе заслуживаетъ также сѣдло, обтянутое малиновымъ трипомъ, на которое садились казанскіе архіереи, при торжественномъ шествіи на ослати, въ вербное воскресенье, въ память шествія Спасителя въ іерусалимъ. Въ это торжественное шествіе, какъ извѣстно, въ Москвѣ самъ царь велъ осла, на которомъ возсѣдалъ патриархъ, а въ другихъ городахъ царскую обязанность при архіереяхъ исполняли воеводы. Въ числѣ царскихъ пожертвованій заслуживаетъ вниманія крестъ митрополита Веніамина, о которомъ мы будемъ говорить ниже.

Зилантовъ монастырь. Зилантовъ Успенскій мужескій монастырь былъ заложенъ самимъ царемъ Іоанномъ на послѣднемъ уступѣ Зилантовой горы, на томъ мѣстѣ, гдѣ была послѣдняя царская ставка во время осады Казани и гдѣ погребены убитые при взятіи Казани, поэтому въ царской грамотѣ Іоанна этотъ монастырь называется «Русскимъ кладбищемъ». Но скоро, въ 1559 г., весенній разливъ Волги и Казанки повредилъ монастырю, тогда перенесли монастырь на самую вершину горы, гдѣ была предпослѣдняя ставка царя.

Иконостасъ соборной церкви пожертвованъ супругою царя Іоанна Анастасією Романовною. Одна изъ мѣстныхъ иконъ Смоленской Божіей матери заслуживаетъ вниманіе по своей древности—она византійскаго письма и, какъ говоритъ преданіе, была въ походѣ царя Іоанна подъ Казань. Затѣмъ замѣчательенъ находящійся здѣсь серебряный, по мѣстамъ вызолоченный ковшъ—въ среднѣй рукояти его изображенъ витязь, трубою возвѣщающій славу Казани, по сторонамъ, при его подножіи, орлы, обращенные къ нему носами и когтями, поддерживаютъ гирлянды и лавры, коими увивается исполнѣ; на ковшѣ въ четырехъ отдѣлахъ кругомъ надпись: «пивше, возвеселимся и любовію усладимся и во вѣки тоя не лишимся».

Внутри монастыря и внѣ его растутъ вѣковые вязы, липы, дубы и другія деревья, придающія монастырю весьма красивый видъ. Съ самаго монастыря, расположеннаго на высокой горѣ и обвиваемаго съ трехъ сторонъ р. Казанкою, а съ четвертой—лугами, представляется красивый видъ на окрестности: городъ, пороховой заводъ и пр.

Памятникъ въ честь убіенныхъ при взятіи Казани. На мѣстѣ бывшаго монастыря на «Русскомъ кладбищѣ» оставалась только часовня, но имена погибшихъ при взятіи Казани не были забыты. Митрополитъ Казанскій Гермогенъ испросилъ у тогдашняго патріарха Іова разрѣшеніе о церковномъ поминовеніи людей, «которые храбровало и побиты подъ Казанью». Гермогенъ въ своемъ представленіи патріарху указываетъ и на погибшихъ отъ Казанскихъ Татаръ мученическою смертію за христіанскую вѣру: Іоанна, Степана и Петра, изъ которыхъ двое послѣднихъ были Татары и измѣнили отцовской вѣрѣ для христіанской; первый изъ нихъ, какъ указываетъ Гермогенъ, похороненъ въ Казани, на старомъ Русскомъ кладбищѣ. Синодикъ о всѣхъ погибшихъ подъ Казанью сохранился до настоящаго времени и былъ нѣсколько разъ напечатанъ.

Не забудемъ, что Казанскій митрополитъ Гермогенъ впоследствии былъ патріархомъ Всероссійскимъ и въ исторіи неурядицъ междуцарствія приобрѣлъ славное имя за свои безстрашные подвиги для защиты отечества и православія. Наконецъ, не забудемъ, что Гермогенъ былъ казанскимъ историкомъ: онъ написалъ житія первыхъ Казанскихъ святителей Гурія и Варсонофія и исторію обрѣтенія чудотворной Казанской иконы, въ послѣднемъ событіи онъ принималъ личное участіе, будучи въ то время священникомъ одной казанской церкви, близъ которой нашли икону.

Почти через 300 лѣтъ послѣ ваятія Казани, въ 1823 г. былъ построенъ памятникъ надъ общею могилою убитыхъ подъ Казанью. Этотъ памятникъ представляетъ пирамиду, вышиною около 10 саж., въ основаніи—квадратный на 10 саж., съ четырехъ сторонъ устроены фронтоны на колонахъ. Внутри памятника устроена церковь во имя Нерукотвореннаго Образа, такъ какъ здѣсь, во время осады Казани, стояло царское знамя съ такимъ же изображеніемъ.

Внизу памятника квадратный подземный со сводами ходъ, внутри котораго каменною стѣною отдѣлена могила убитыхъ, въ которой хранится открыто множество костей.

Памятникъ этотъ построенъ на суммы, пожертвованныя членами Императорской фамили и собранныя по подпискѣ со всей имперіи.

2 октября къ памятнику бываетъ крестный ходъ изъ Зилантова монастыря и совершается здѣсь торжественное богослуженіе съ военнымъ парадомъ.

19 августа 1836 г. этотъ памятникъ посѣтилъ императоръ Николай I. Интересны объясненія о памятникѣ, данныя императору настоятелемъ Зилантова монастыря, архимандритомъ Гавріиломъ, бывшимъ профессоромъ Казанскаго университета, извѣстнымъ нѣсколькими своими сочиненіями и особенно—исторіею философіи. Когда настоятель сказалъ въ подземельѣ Государю: «это общая могила православныхъ вождей и воиновъ, при ваятіи Казани живость свой положившихъ, такъ что чѣмъ глубже, тѣмъ болѣе открывається ихъ костей во всѣхъ измѣреніяхъ земли», Государь спросилъ: «почему можно удостовѣриться въ томъ, что отсель безъ всякой пережки продолжается далѣе во всѣ измѣренія эта могила?» Настоятель, указывая на деревянный помостъ могилы, отвѣчалъ: «вмѣсто этого, обветшавшаго, деревяннаго, помоста, Государь, нужно было устроить новый помостъ, и желательно

было устроить каменный; но для каменнаго помоста пужень былъ фундаментъ. при основательномъ испытаніи оказалось, что фундаментъ по множеству во всѣхъ странахъ костей сдѣлать нѣтъ возможности; почему и устроенъ вновь сей деревянный помостъ». Затѣмъ Государь спросилъ: «въ такомъ множествѣ не могли ли попасть сюда тѣла Татаръ?» Настоятель отвѣчалъ: «не могли, Ваше Величество, потому что тѣла предварительно разобраны, что эта была царская церковь, что отселе начинался подкостъ къ Казани, и что здѣсь лучшіе воеводы похоронены послѣ ранъ уже постриженные въ схиму бывшомъ при царѣ Іоаннѣ игуменомъ Іоакимомъ; Русскіе, особенно, при ненависти къ бывшему татарскому игу, могли ли за 2 и даже за 3 и 4 версты возить нарочно своихъ враговъ, имѣющихъ не только на одеждѣ, но особенно и на тѣлѣ явные знаки, въ такое мѣсто, гдѣ они молились и гдѣ молился ихъ царь.....».

Этотъ памятникъ оправдываетъ слова пѣсни о покореніи Казани:

Казань—городъ на костяхъ стоитъ,
Казаночка—рѣка кровава течетъ,
Мелки ключики—горючи слезы,
По лугамъ—лугамъ все волосы,
По крутымъ горамъ все головы,
Молодецкія, все стрѣлецкія.

Крѣпость или кремль. Казанская крѣпость или кремль стоитъ на возвышенности; грунтъ земли подъ крѣпостными стѣнами состоитъ изъ дикаго камня, расположеннаго плитами, и это указываетъ, какъ нѣкоторые думаютъ, что это возвышеніе болѣе искусственное, нежели природное. Последнее предположеніе подтверждается и тѣмъ, что при рытіи основанія для одного зданія въ крѣпости, въ глубинѣ 8 саж. находили

каменные ядра. Во время татарскаго владычества весь город обнесенъ былъ деревянною стѣною, которая очень пострадала при взятіи Казани, поэтому царь Іоаннъ приказалъ ее чинить, а черезъ 4 года, въ 1556 г. началась постройка каменнаго кремля, существующаго и понынѣ. Стѣны кремля много пострадали во время вторженія Пугачева въ Казань въ 1774 г., съ этого времени было уничтожено нѣсколько башенъ съ воротами, въ настоящее время остаются только двѣ такія башни: Спасская — главный въѣздъ въ крѣпость, съ Воскресенской улицы и Тайницкая — съ противоположной стороны отъ первой, при спускѣ изъ крѣпости къ р. Казанкѣ.

Зданія крѣпости образуютъ отъ Спасскихъ воротъ къ Тайницкимъ длинную улицу, по правую сторону которой помѣщается военный казначей, дома присутственныхъ мѣстъ, архіерейскій домъ, Благовѣщенскій соборъ; по лѣвую: Спасо-Преображенскій монастырь, церковь Кириана и Устиньи, зданія юнкерскаго училища; за соборомъ, правѣ отъ этой улицы, открывается площадь передъ Императорскимъ дворцомъ, построеннымъ въ 1847 г.; отъ него на право, между площадью и спускомъ къ Тайницкимъ воротамъ, выступаетъ Сумбеккина башня.

Очертаніе стараго деревяннаго города. Каменный кремль, построенный при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, взошелъ въ старую деревянную стѣну около города, остатки которой существовали до начала царствованія Анны Іоанновны; въ 1729 г. послѣдніе остатки деревянной стѣны были уничтожены, по распоряженію тогдашняго Казанскаго губернатора, знаменитаго впоследствии министра Анны Іоанновны Волынскаго.

Въ настоящее время очертанія этой стѣны и предѣлы стараго города можно опредѣлить направлениемъ крестныхъ ходовъ, которые ежегодно бывають вокругъ города 2 и 20

іюля. Эти крестные ходы вокругъ города установлены съ 1654 г., со времени мороваго повѣтрія, о которомъ будемъ говорить ниже; съ того времени и понынѣ они совершаются все одною дорогою, останавливаясь для литій, на мѣстахъ прежнихъ воротъ, гдѣ нынѣ большею частію воздвигнуты церкви или монастыри.

2 іюля крестный ходъ изъ собора идетъ къ Іоанновскому монастырю и мимо его за Булакъ, здѣсь противъ церкви Успенской и Владимірской совершаются литія; затѣмъ, поворота въ проулокъ, выходятъ на Варлаамскую улицу; откуда, мимо Варлаамской церкви, поворачиваютъ на Сѣную площадь, гдѣ бывають также литія; черезъ площадь крестный ходъ идетъ за Татарскій мостъ и оттуда на Проломную, гдѣ, противъ церкви Богоявленія, поютъ литію; по Проломной шествіе возвращается въ Іоанновскій монастырь.

20 іюля крестный ходъ выходитъ изъ крѣпости, останавливается для литій у Спасскихъ воротъ, идетъ по Проломной на Рыбную площадь, на которой, противъ дома г. Перцова, поютъ литію; затѣмъ шествіе черезъ Никольскую и Театральную площадь, на которой также бывають литія, направляется къ Федоровскому монастырю, который называется «на Старомъ городищѣ»; послѣ литій и литургій въ этомъ монастырѣ, крестный ходъ возвращается въ крѣпость по Нижне-Федоровской и Засыпкиннмъ улицамъ.

Такое направленіе этихъ двухъ крестныхъ ходовъ приводитъ къ слѣдующимъ соображеніямъ: очевидно, что границы Казани до завоеванія ея определяются вторымъ ходомъ, т. е. все пространство за Проломной улицей, по которому идетъ первый крестный ходъ, въ то время не было населено; это было поле, съ котораго русскія войска подступили къ стѣнамъ города на нынѣшней Проломной. Но все это пространство въ половинѣ XVII ст., когда установленъ крестный

ходъ, входило уже въ предѣлы города. Татарская Казань, какъ показываетъ второй ходъ, оканчивалась Проломною, Рыбною и прямою линіею отъ нея къ Седоровскому монастырю, т. е. татарская Казань заключала въ себѣ только нынѣшнюю первую часть г. Казани. Нынѣшняя вторая часть была застроена поддѣте, а четвертая, т. е. Горшечная, Лядскія, Грузинская и Красная улица не входила еще въ черту города и въ половинѣ XVII ст. Третья часть заключаетъ въ себѣ татарскія слободы, куда Татары были выгнаны Русскими изъ города; а пятая часть — Адмиралтейская слобода, вѣроятно, стала населяться и застраиваться преимущественно со времени Петра, который учредилъ здѣсь адмиралтейство и корабельную верфь.

Впрочемъ, существуетъ предположеніе, что передъ стѣнами татарской Казани, въ смыслѣ города, т. е. огороженнаго мѣста, по обѣимъ сторонамъ Булака былъ посадъ, который упоминается въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ по поводу разграбленія его Русскими, еще до окончательнаго завоеванія Казани. Но въ послѣднемъ походѣ Іоанна о посадѣ нигдѣ не упоминается; это молчаніе лѣтописцевъ объясняютъ предположеніемъ, что Казанцы, начиная послѣднюю борьбу съ Русскими, сами сожгли свой посадъ, прежде чѣмъ московскіе полки подошли къ Казани (Памятн. книга Казанск. губ. на 1861 и 1862 г. Истор. очеркъ Казанск. губ., стр. 12, 13).

Спасо-Преображенскій монастырь. Кромѣ Зилантова монастыря, о которомъ уже было сказано, тоже во время царя Іоанна Васильевича были основаны въ Казани монастыри мужескіе Спасо-Преображенскій и Іоанновскій и дѣвичій Богородицкій.

Спасо-Преображенскій монастырь основанъ въ 1556 г., черезъ 4 года по взятіи Казани, на мѣстѣ указанномъ са-

нимъ царемъ; архимандритомъ новаго монастыря былъ назначенъ св. Варсонофій, сотрудникъ св. Гурія въ проповѣди евангелія между иновѣрцами завоеваннаго края, приготовившійся къ этому дѣлу изученіемъ татарскаго языка и мусульманской вѣры во время плѣна своего у Крымскихъ Татаръ. Изъ Казани Варсонофій былъ назначенъ епископомъ въ Тверь, но, по оставленіи имъ епископской кathedры, онъ возвратился въ свой родной монастырь, гдѣ и скончался въ 1576 г. Черезъ два года по оставленіи Казани Варсонофіемъ, въ 1564 г. скончался его другъ Гурій, который былъ погребенъ въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ, а въ 1576 г. около Гурія положили и Варсонофія. Мощи этихъ святителей казанскихъ открыты 4 октября 1596, въ этотъ день установлено праздновать ихъ память, въ этотъ же день было и торжественное вшествіе царя Юзина въ завоеванный имъ городъ; столь памятный въ исторіи Казани день съ 1832 г. признается для Казани табельнымъ, свободнымъ отъ занятій въ присутственных мѣстахъ и училищахъ. Въ 1650 г. мощи св. Гурія перенесены въ Благовѣщенскій соборъ, а мощи св. Варсонофія нынѣ почиваютъ въ соборной церкви Спасо-Преображенскаго монастыря.

На мѣстѣ прежняго погребенія казанскихъ чудотворцевъ устроена часовня, которая обращаетъ на себя вниманіе нѣсколькими могилами. Здѣсь погребенъ бояринъ Застолбскій, который былъ назначенъ царемъ къ архіепископу Гурію для заботы о дѣлахъ житейскихъ и умеръ въ монашествѣ; здѣсь погребенъ и сынъ его, умершій юнымъ инокомъ. Бояринъ Застолбскій построилъ эту часовню надъ могилою св. Гурія, похоронилъ въ ней сына и самъ былъ положенъ здѣсь.

Здѣсь лежала и бывшаго Казанскаго митрополита во время междоцарствія Ефрема, который игралъ при избраніи царя Михаила Федоровича важную роль, будучи тогда стар-

шимъ представителемъ русской іерархіи, послѣ смерти патріарха Гермогена. Митрополитъ Ефремъ первый подписался на избирательной грамотѣ Михаила на царство, онъ возложилъ царскій вѣнецъ на юнаго царя во время коронаціи.

Въ этой часовнѣ погребены также два греческихъ архіерея: Епифаній, архіепископъ Іерусалимскій и Арсеній, епископъ Андрузскій. Судьба послѣдняго заслуживаетъ вниманія: онъ былъ отлученъ патріархомъ Іерусалимскимъ, жилъ въ изгнаніи въ Москвѣ, потомъ въ Макарьевской пустыни, близъ Свіажска, гдѣ и скончался въ 1706 г., но погребенъ въ Казанскомъ Спасо - Преображенскомъ монастырѣ тогдашнимъ митрополитомъ Казанскимъ Тихономъ, который испросилъ Арсенію разрѣшеніе отъ Константинопольскаго патріарха; разрѣшительная грамота получена уже по смерти Арсенія и положена съ нимъ въ гробъ. Вся эта исторія Арсенія изображена вязью на надгробномъ камнѣ его.

Наковецъ здѣсь погребенъ Кяхетскій царь Темурза, который, по указу Анны Іоанновны, жилъ въ Казани, гдѣ и скончался въ 1740 г. На надгробномъ камнѣ его видна слѣдующая надпись:

Стани ядѣ, путникѣ, надъ гробомъ умишлел:
Помни смерть—о усопшемъ помолися.

Іоанно-Предтечевскій монастырь построенъ на возвышенномъ мѣстѣ, противъ крѣпости, которая стоитъ тоже на возвышенности; между этими двумя возвышенностями прежде былъ ровъ, а нынѣ устроенъ мощный камнемъ спускъ въ подгорную часть города, на которую съ ограды монастырской открывается прекрасный видъ; отсюда вдали виднѣтся и Волга, а за нею Услонскія горы.

Въ устройствѣ этого монастыря, построеннаго при царѣ Іоаннѣ, участвовали пожертвованіями и второй архіепископъ

Казанскій, преемникъ св. Гурія, третій чудотворецъ Казанскій Германъ. Онъ вмѣстѣ съ Гуріемъ и Варсофіемъ прибылъ въ Казанскій край, былъ назначенъ архимандритомъ Свіяжскаго монастыря, въ которомъ много потрудился для того же дѣла, для котораго въ самой Казани неутомимо трудились Гурій и Варсофій, а по смерти Гурія Германъ занялъ святительскую кафедру. Св. Германъ извѣстенъ въ исторіи, напр., по свидѣтельству Курбскаго, умомъ и твердостью характера; царь Іоаннъ предназначалъ его въ митрополиты Московскіе, но опричники на колѣняхъ упрашивали царя отказаться отъ этого намѣренія и говорили: «Боже тебя сохрани, царь, отъ такого совѣтника; уже ли ты хочешь быть въ неволѣ, болѣе тяжелой, чѣмъ былъ у Сильвестра и Адашева?» Германъ скончался въ Москвѣ, но мощи его впоследствии были перенесены въ родной ему Свіяжскій монастырь.

Федоровскій монастырь получилъ свое начало при царѣ Годуновѣ, онъ былъ построенъ на крутомъ сѣверо-восточномъ берегу р. Казанки, на живописномъ мѣстѣ, которое называется «старое городище», по причинѣ проходившей здѣсь старой стѣны города. Въ настоящее время этотъ монастырь заштатный и причисленъ къ Спасо-Преображенскому.

Дѣвичій Богородицкій монастырь. Чудотворная икона Казанской Божіей матери. Въ 1579 г. въ Казани былъ первый страшный пожаръ, истребившій большую часть города. Такихъ пожаровъ считаютъ 12—въ 1579, 1672, 1694, 1742, 1749, 1757, 1774 (въшествіе Пугачева), 1845, 1842, 1847, 1848 и 1859 г., каждый изъ нихъ истреблялъ большую и лучшую часть города.

Послѣ перваго пожара на мѣстѣ сгорѣвшаго дома стрѣльца Онучина его десятилѣтняя дочь Матрена нашла икону Бо-

городицы, которая скоро прославилась чудесами, такъ что царь Іоаннъ Васильевичъ приказалъ построить церковь на мѣстѣ обрѣтенія иконы и устроить здѣсь женскій монастырь.

Въ смутное время междуцарствія Казанская икона получила всероссійское значеніе. Когда съ прекращеніемъ династїи Рюрика начались волненія въ русской землѣ, тогда поднялось противъ Москвы и ивородческое населеніе Казанскаго края—Чуваши, Мордва и Черемисы, они разоряли города и деревни, оскверняли и разоряли церкви, мужчинъ били, а женъ и дѣтей позорили. Возстаніе ивородцевъ началось еще при жизни царя Василія Ивановича Шуйскаго. Послѣ его смерти, когда Москва была занята Поляками и на Московскій престолъ былъ избранъ польскій королевичъ, началось волненія въ самой Казани. Казанцы, услышавши о занятїи Поляками Москвы, объявила себя противъ нихъ и стали присягать второму самозванцу, Тушинскому вору; а когда воевода Казанскій кн. Бѣльскій сталъ убѣждать не присягать вору, возмущившійся народъ повлекъ воеводу на башню и оттуда сбросилъ, убивши его до смерти. Но пришелъ и часъ спасенія Россїи, всѣ земскіе люди возстали на защиту своего отечества, государства и вѣры; города начали совѣщаться объ этомъ дѣлѣ, пересылались между собою грамотами, выставляли дружины и наконецъ подъ начальствомъ князя Пожарскаго пошли на спасеніе Москвы. Замѣчательно, что даже такія земли, которыя представляли соединеніе разныхъ народностей, организовались въ цѣлыя земскія единицы, съ цѣлью дѣйствовать соединенными силами. Такъ, напр., писали изъ Казани въ Пермь: «Мы, всякіе люди, вся земля Казанскаго государства, и князья, и мурзы, и Татары, и Чуваши, и Черемисы, и Вотяки сослалися съ Нижнимъ-Новгородомъ и со всѣми городами повольскими, и горными, и луговыми, и съ горными и луговыми Татарями, и съ луговою Черемисою,

положили на томъ, что намъ быть всеѣмъ въ советѣ и въ соединеніи, и за Московское, и за Казанское государство стоять, и другъ друга не побивать и не грабить, дурна не надъ кѣмъ не дѣлать». Ратники, отправившіеся изъ Казани подъ Москву, взяли съ собою списокъ чудотворной иконы Казанской Богородицы, которая среди всего русскаго войска скоро приобрѣла особенное уваженіе, ея чудесной помощи приписывала и спасеніе Москвы отъ Поляковъ.

Послѣ освобожденія Москвы, выбранный всею землею царь Михаилъ построилъ въ Москвѣ Казанскій соборъ въ честь этой иконы и устанавливалъ два раза въ году праздновать въ Москвѣ память этой иконы: 8 іюля—день обрѣтенія Казанской чудотворной иконы, списокъ съ которой такъ прославился и стоялъ въ Московскомъ Казанскомъ соборѣ и 22 октября—день освобожденія Москвы. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, когда у него въ 1649 г. 21 октября, во время всенощнаго богослуженія, наканунѣ праздника Казанской Богородицы, родился наследникъ престола Дмитрій Алексѣевичъ, праздникъ 22 октября установленъ былъ для всей Россіи. При Петрѣ Великомъ изъ Москвы чудотворная икона была перенесена въ С. Петербургъ, въ которомъ также былъ построенъ во имя ея соборъ, въ которомъ она и находится въ настоящее время.

Между тѣмъ въ самой Казани деревянная церковь, построенная въ честь чудотворной иконы, праматерь Казанскихъ соборовъ въ Москвѣ и С. Петербургѣ, при ц. Фед. Іоани. была перестроена въ каменную; въ концѣ прошедшаго столѣтія она пришла въ ветхость и разобрана, а въ 1798 г., во время пребыванія въ Казани императора Павла, положено основаніе новой церкви, освященной въ 1802 г.

Этотъ храмъ въ настоящее время отличается обширностью и изящною архитектурою. Длина его 20 саж. 2 арш. и такая

же вышина до большей главы, съ трехъ сторонъ онъ украшенъ порталами и колоннадами іоническаго ордена, которыя поддерживаютъ фронтонъ; большой lanternъ, украшенный снаружи колоннадою коринтскаго ордена, возвышается внутри церкви на 4 столбахъ.

Казанскій дѣвичій монастырь приводитъ на память и несчастный день нашествія Пугачева 12 іюля 1774 г.

Подпоручикъ Миняевъ, отецъ и родственники котораго жили въ Казани, нѣмѣли царской службѣ, перешель къ Пугачеву и склонилъ его идти на Казань. Главнымъ вождемъ шайки, вторгнувшейся въ Казань, былъ Миняевъ, онъ поставилъ на святыхъ воротахъ дѣвичьяго монастыря двѣ пушки и стрѣлялъ изъ нихъ въ крѣпость. Только благодаря подполковнику Михельсону, который подошелъ въ то время къ Казани, на другой день Пугачевъ съ своими полчачими долженъ былъ оставить Казань.

Въ церкви этого монастыря сподвижниками Пугачева былъ убитъ ветеранъ войнъ Россіи—отъ персидскаго похода Петра Великаго до начала царствованія Екатерины II, сынъ извѣстнаго вице-губернатора Казанскаго при Петрѣ Великомъ, Кудравцевъ. Въ то время онъ былъ такъ старъ, что не могъ ходить, его перенесли на креслахъ въ церковь, куда многіе спасались отъ Пугачева; но мятежники ворвались и туда. Кудравцевъ стали ихъ обличать, тогда на него направлены удары сабель и копей; уже окровавленный этими ударами старецъ упалъ бездыханнымъ отъ пущенной въ него пули. Въ стѣнахъ монастыря на память объ этомъ событіи былъ воздвигнутъ памятникъ возбѣщающій о подвигѣ и смерти Кудравцева.

Волнеція въ инородческомъ Казанскомъ краѣ. Городская колонизація. Завоевателямъ Казани должно было

сдерживать въ повиновеніи покоренныя племена, которыя часто возставали; мы говорили уже о возстаніи инородцевъ въ смутное время, но такія возстанія бывали и прежде и послѣ того. Они начались тотчасъ по удаленіи завоевателей: Черемисы и другіе инородцы волновались 5 лѣтъ съ 1552—1557; въ 1556 возмутились Казанцы-магометане, по усмиреніи ихъ, они были выселены изъ города и образовали особую слободу, нынѣ Старая Татарская; всѣ татарскія мечети въ городѣ были уничтожены. Съ 1572 — 1584 продолжались волненія, простравшіяся до Сибири; затѣмъ наступило смутное время; впослѣдствіи въ шайкахъ Стеньки Разина также было много Чувашъ и другихъ инородцевъ. Къ концу XVII ст. волненія между Черемисами и Чувашиами окончательно затихли, но за то начались на юго-востокѣ, между Башкирами, которые бунтовали при Петрѣ Великомъ, Аниѣ Іоанновнѣ и Елизаветѣ Петровнѣ. Наконецъ инородцы поддерживали и Пугачева, такъ что можно сказать, что окончательное покореніе этого края послѣдовало только послѣ усмиренія Пугачевского бунта. Но нерасположеніе инородческаго населенія къ господствующей народности и государству обнаруживалось и въ послѣднее время.

Въ послѣднюю войну съ Турками Татары Казанской губерніи выказали не только холодность къ дѣлу Россіи, но помогали, напр. въ Мамадышскомъ уѣздѣ, побѣгу взятыхъ изъ среды ихъ рекрутъ. Казанскіе Татары заявляли, что сражаться противъ единовѣрныхъ Турокъ запрещаетъ имъ совѣсть; а когда послѣ мира Крымскіе Татары стали переселяться въ Турцію, такое-же желаніе о выселеніи изъ Россіи выразили и нѣсколько семействъ Казанскихъ Татаръ. Послѣдніе факты указываются въ официальном изданіи, Журн. Мин. Нар. Просв., 1867 г., апрѣль. Наконецъ, г. Артемьевъ, извѣстный знатокъ древностей Казанскаго края, въ официальном изданіи (Списки

населенныхъ мѣстъ Росс. Имп. XIV вып. Казанская губерня.)
заявляетъ объ увѣренности Татаръ въ возстановленіи своей
самостоятельности.

Для удержанія въ повиновеніи инородцевъ должно было строить крѣпости и содержать въ нихъ войска, съ этою цѣлью около Казани и Свіажска, построеннаго за два года до покоренія Казани, въ первыя пять лѣтъ русскаго владычества въ этомъ краѣ появились Чебоксары, Кокшайскъ, Лаишевъ и Тетюши, подлѣ послѣдняго города построена была также засѣка. Черезъ 30 лѣтъ послѣ этого появляются Козмодемьянскъ, Цивильскъ, Царевококшайскъ, Уржумъ, Царево-санчурскъ и др. Въ половинѣ XVII ст. возникаютъ города и за Камою: Белярскъ, Старошешминскъ и др., только около этого времени появляются здѣсь и первыя русскія поселенія. Въ этоже время появляется Закамская или Казанская линія или черта, т. е. валъ, а гдѣ эта черта касалась лѣсовъ, тамъ вмѣсто вала устроена засѣка. Эта черта начиналась около Мензелинска и шла, въ видѣ неправильнаго полукруга, до Волги, къ Самбирску, отъ котораго начинался другой валъ, простиравшійся до Бѣлгорода.

Около построенныхъ городовъ, подъ защитою ихъ, являются первыя русскіе насельники этого края.

Монастырская колонизація. Монастыри: Седміозерный, Раифскій и Кизическій. Вмѣстѣ съ городами для колонизація Казанскаго края имѣли важное значеніе и монастыри, которымъ принадлежитъ такое значеніе и въ другихъ краяхъ русской земли. Мы уже познакомились съ городскими Казанскими монастырями, но въ XVII ст. они появляются и въ окрестностяхъ Казани.

Въ царствованіе Михаила Федор. были построены Седміозерный и Раифскій монастыри. Первый, построенный среди

густаго лѣса, при слятіи семи озеръ въ одно большее, стоить въ 17 верстахъ около Казани. Онъ былъ основанъ уроженцомъ Устага Евѣміемъ, впрочемъ, и до него въ этомъ мѣстѣ пустынножительствовали иноки и инокини.

Раифскій монастырь, построенный тоже среди густаго лѣса и около обширнаго озера, въ 30 верстахъ отъ Казани, основанъ пришедшимъ изъ Московскаго Чудова монастыря инокомъ Филаретомъ.

Эти монастыри появлялись среди жилищъ язычниковъ Черемисъ, которые около поселившихся здѣсь иноковъ исправляли свои языческія требы, напр. на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ святая ворота Седміозернаго монастыря стоялъ многовѣтвистый дубъ, подъ которымъ Черемисы заколали коней и воловъ, а кожи ихъ вѣшали на дубѣ.

Въ эту дикую, лѣсистую страну, вмѣстѣ съ монастырями начинаютъ проникать и русскіе поселенцы, приходившіе на отведенныя монастырямъ земли, которыя пользовались разными преимуществами судебными и финансовыми. Въ Православномъ Соборѣ (1864 г. янв. и февр.) разбираемому вопросу посвящается цѣлая интересная статья подъ заглавіемъ «Вліяніе монастырей на расселеніе народное въ Казанскомъ краѣ».

Седміозерный монастырь скоро получилъ важное религіозное значеніе. Въ 1654 г. въ Казани была страшная моровая язва, для избавленія отъ которой жители Казани рѣшились принести изъ этого монастыря икону Смоленской Божіей матери, которую поставилъ въ церкви монастыря основатель послѣдняго Евѣмій. Заступленіемъ Богородицы Казань была спасена отъ гибели. Въ память этого, съ тѣхъ поръ чудотворную икону Седміозерной Смоленской Богородицы ежегодно 26 іюня приносятъ въ Казань, гдѣ она пребываетъ цѣлый мѣсяцъ и переносится изъ одной церкви въ другую и по-

всімъ домамъ Казани; такимъ образомъ въ Казани цѣлый мѣсяць продолжаютъ крестные ходы и цѣлый день до глубокой ночи слышится въ разныхъ частяхъ города перезвонъ колоколовъ. Съ этою иконою бывають и крестные ходы кругомъ стараго города 2 и 20 июля, объ которыхъ мы уже говорили.

На дорогѣ изъ Казани въ Седмозерный монастырь, въ 3 верстахъ отъ города, въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича построенъ Кизическій монастырь, на томъ мѣстѣ, гдѣ первоначально была только часовня и гдѣ въ 1654 г. была первая встрѣча жителями Казани приходившей на спасеніе имъ иконы.

Просвѣщеніе инородцевъ, миссіонерство, инородческія школы, отпаденія отъ христіанства. Одного внѣшняго покоренія инородцевъ было недостаточно, должно было послѣдовать внутреннее покореніе ихъ христіанскому православію и русской гражданственности. Эту цѣль преслѣдовалъ и царь Иванъ Васил., который, при вѣздѣ въ Москву, послѣ взятія Казани, сказалъ встрѣчавшему его духовенству: «да позвають Бога истиннаго невѣрныя, новыя наша подданыя». Для исполненія этой цѣли были посланы въ Казань: Гурій, Варсонофій и Германъ. Первому царь далъ и «наказъ», какъ онъ долженъ дѣйствовать для усильнѣйшаго покоренія Татаръ христіанству: онъ долженъ стараться приобрѣсти любовь и довѣріе къ себѣ Татаръ, печаловаться объ обвиняемыхъ и осужденныхъ гражданскимъ судомъ, особенно, если послѣдніе согласятъ креститься; входящихъ къ нему за какимъ нибудь дѣломъ онъ долженъ ласкать и угощать; убѣждать къ принятію христіанства тихо, а жестокостью съ ними не говорить; крестить только добровольно желающихъ этого и убѣжденныхъ въ истинѣ христіанской вѣры. Нельзя не признать вполнѣ разумными эти наставленія царя.

Въ первые годы по завоеваніи Казани крестились многіе инородцы, особенно Татары, потомки которыхъ называются «старокрещенами». Но впоследствии распространеніе христіанства между инородцами шло очень медленно, начинаютъ даже отпаденія отъ христіанства. Черезъ 30 лѣтъ по смерти Гурія митрополитъ Казанскій Гермогенъ писалъ царю, что «въ Казани и уѣздахъ Казанскомъ и Свіяжскомъ живутъ новокрещены вмѣстѣ съ Татарами, Чувашиами и Вотяками, ѣдятъ и пьютъ съ ними, къ церквамъ Божіимъ не приходятъ, крестовъ на себѣ не носятъ, въ домахъ образы и крестовъ не держатъ, поновъ не призываютъ и отцовъ духовныхъ не имѣютъ. Онъ, владыка, призывалъ ихъ и поучалъ, но они ученія не принимаютъ и отъ татарскихъ обычаевъ не отстаютъ и совершенно отъ христіанской вѣры отстали и въ православной вѣрѣ не утвердились, потому что живутъ съ невѣрными вмѣстѣ отъ церкви далеко; и видя такое невѣрье въ новокрещеныхъ, ниже Татары не только не крестятся въ православную вѣру, но ругаются ей». Крещеные Татары и въ началѣ прошедшаго столѣтія оказались также христіанами только по имени: они не умѣли говорить порусски и, какъ сами показали, «крестное знаменіе вообразать и законъ христіанскій съ твердостію исполнять и содержать, отъ ненаученія и непризрѣнія, не умѣютъ». Не привлекали къ христіанству и разныя привилегіи за крещеніе, напр., какъ видно изъ наказа царя Іоанна, — избавленіе отъ наказаній за разныя проступки, также льготы отъ разныхъ повинностей и т. п. Христіанское миссіонерство было очень слабо, недостаточны были и мѣры къ приготовленію миссіонеровъ.

Для приготовленія къ миссіонерству набирали въ устроенную при Петрѣ I архіерейскую школу дѣтей инородцевъ, которые впоследствии могли бы быть проводниками христіанскихъ понятій между своими единоплеменниками, поступаая въ

священство или даже оставаясь въ обыкновенномъ своемъ положеніи; въ преобразованную изъ архіерейской школы въ 1733 г. семинарію также поступали инородческія дѣти; а въ 1735 г. были учреждены въ Казанской епархіи 4 особыя инородческія школы: въ Казани, Свияжскѣ, Клябугѣ и Царевokokшайскѣ. Казанская инородческая школа была помѣщена въ Федоровскомъ монастырѣ, гдѣ помѣщалась семинарія, переведенная въ Зилантовъ монастырь. Въ это время въ Свияжскѣ была учреждена «Контора новокрещенскихъ дѣлъ», которая извѣстна въ исторіи насильственнымъ обращеніемъ въ христіанство и различными злоупотребленіями, напр. она обращала крестившихся въ крѣпостныхъ рабовъ, раздавая ихъ «разнаго чина людямъ, яко бы ихъ воспріемникамъ, и будто на нѣкоторое время, для обученія христіанскому», въ самомъ же дѣлѣ давали на нихъ «владѣлые указы», или крѣпостныя записи.

Особенною ревностію въ дѣлѣ обращенія инородцевъ прославился епископъ Казанскій Лука Конашевичъ (1738-1753). Онъ увеличилъ число инородческихъ школъ, въ которыя набиралъ дѣтей даже силою, отнималъ ихъ отъ родителей; обученію въ семинаріи онъ старался придать миссіонерскій образовательный характеръ; среди жилищъ Татаръ, въ ихъ слободѣ, построилъ церкви: Четырехъ евангелистовъ и Захарія и Елизаветы, устроивши въ эти церкви крестные ходы изъ собора и монастырей; онъ, какъ мы видѣли, поднялъ руки и на Болгарскія развалины, которыя почитались Татарами священными. Думая всѣмъ этимъ распространить христіанство, епископъ Лука только раздражилъ противъ себя татарское населеніе Казани и довелъ его до возмущенія, послѣдствіемъ котораго былъ переводъ Луки въ другую епархію.

Инородческія школы, бывшія въ разныхъ городахъ Казанской епархіи, соединены были впоследствии въ одну, которая помѣщалась близъ Татарской слободы у озера Кабана, она

существовала до 1800 г. Церковь і евангелистовъ во время пребыванія императора Павла I въ Казани отдана была старообрядцамъ, сдѣлавшись первою единовѣрческою церковью въ Казани.

Въ 1827 г. послѣдовало первое массивное отпаденіе отъ христіанства крещеныхъ Татаръ и другихъ инородцевъ Казанской и Симбирской губерній; мѣрами предупрежденія подобныхъ случаевъ на будущее время были предписанія Синода бывшему тогда архіепископу Казанскому Филарету—избрать способныхъ проповѣдниковъ для иновѣрцевъ и для утвержденія въ вѣрѣ уже обращенныхъ въ христіанство; основать при Казанской семинаріи особая учрежденія для образованія противонородческихъ миссіонеровъ, примѣнительно къ потребностямъ края. Но отпаденія повторялись; замѣчательно, что они поддерживаются соблазнительными толками о царскихъ указахъ, дозволяющихъ будто бы такое отступничество; эти толки возобновлялись съ каждымъ новымъ царствованіемъ послѣднихъ трехъ императоровъ. Результатомъ всего этого было то, что съ теченіемъ времени господствующимъ вліяніемъ между инородческимъ населеніемъ Казанскаго края пользовались не Русскіе, а Татары. Всѣ инородцы Финскаго племени, живущіе въ сосѣдствѣ съ Татарами, хорошо говорятъ по-татарски, но не знаютъ по-русски, вліянію магометанъ подпадають даже крещеные Чуваши.

Новѣйшимъ учрежденіемъ для утвержденія и распространенія между казанскими инородцами христіанской вѣры было основаніе 4 октябра 1867 г. братства св. Гурія, соименнаго первому архиепископу *казанскому, потому что оно призвано продолжать его дѣятельность. Это братство основано съ цѣлью привлечь къ своему дѣлу частную инициативу и частныя средства — въ виду малоуспѣшности принимавшихся мѣръ, въ подкрѣпленіе ихъ тамъ, гдѣ онѣ окажутся недоста-

точными, и въ смягченіе тамъ, гдѣ рѣзкость ихъ пугаетъ». Губетство, признавая прежде всего необходимымъ устроить широдческія школы, приняло подъ свое покровительство татарскую школу для крещенныхъ татарскихъ дѣтей — мальчиковъ и дѣвочекъ, первоначально основанную благодаря частной инициативѣ, особенному усердію и матеріальнымъ пожертвованіямъ бывшаго профессора татарскаго языка въ адѣшнемъ университетѣ Ильминскаго и профессора духовной академіи священника Малова, при особенно ревностномъ и благоразумномъ сотрудничествѣ имъ крестьянина-татарина, бывшаго практиканта татарскаго языка при Казанской духовной академіи, нынѣ священника Тимоеева. Эта школа была рассадникомъ другихъ нѣсколькихъ въ различныхъ селеніяхъ Казанской губерніи, изъ нея выходили мальчики и дѣвочки, которые становились миссіонерами христіанства въ своихъ родныхъ селеніяхъ. Особенно дѣйствуетъ на инородцевъ христіанское пѣніе на родномъ имъ языкѣ. По заявленію крещенныхъ татаръ, пріѣзжавшихъ изъ одной деревни, въ которой ученицею Тимоеева основана школа, въ этомъ селеніи въ послѣдніе святки (1866 г.) не было обычныхъ святочныхъ игръ и гаданій, вмѣсто игръ молодые люди собирались въ школу слушать церковное пѣніе.

Г. Ильминскій въ исторіи своей школы замѣчаетъ, что «женщины, матери воспитанниковъ, исключительно желаютъ и ищутъ въ школьномъ образованіи своихъ дѣтей религіознаго, божественнаго; а отцы, кажется, въ видахъ утилитарныхъ, болѣе хлопочутъ о томъ, чтобы дѣти ихъ хорошенько узнали русскую грамоту и русскій языкъ». (Журн. Мин. Нар. Просв. 1867, іюль).

Въ настоящее время воздвигается въ Казани, на озерѣ Кабанѣ, обширное зданіе будущей учительской семинаріи для приготовленія вмѣстѣ съ другими и инородческихъ учителей; директоромъ этого училища назначенъ Ильминскій.

Духовная семинарія и академія. Первыми учителями и училищами въ Казани были — монахи и монастыри. Царь Іоаннъ въ письмѣ къ Гурію такъ одобряетъ его: «благо есть сія рѣчь ваша, еже старцамъ дѣти обучати и поганые въ вѣру обращати, то есть долгъ всѣхъ васъ». Царь, подобно тому, какъ онъ наставляетъ Гурія въ его миссіонерской дѣятельности, указываетъ, какъ должно учить дѣтей: «учити же младенцы не токмо читати и писати, но читаемое право разумѣвати, и да могутъ и иные научати и бусарманы». Память о первомъ учителѣ долго жила между казанскими жителями, которые передъ началомъ обученія дѣтей своихъ грамотѣ, приходили спрашивать на это благословеніе св. Гурія, обращаясь къ нему съ молитвою передъ его мощами.

О дальнѣйшемъ участіи казанскаго духовенства въ обученіи дѣтей мы не имѣемъ историческихъ указаній до Петра Великаго, который въ 1714 г. приказалъ учредить при всѣхъ архіерейскихъ домахъ и въ знатныхъ монастыряхъ цифирныя школы. Въ 1718 г. была открыта цифирная школа и въ Казани, но въ 1723 г. Петръ повелѣлъ дѣтей духовнаго званія «учить славянскаго ученія и писанія въ архіерейской школѣ, а къ свѣтскимъ наукамъ, къ которымъ свѣтскіе командиры спрашиваютъ (цифирная школа), не отдавать». Такимъ образомъ является первое специальное духовное училище, которое было основано въ Федоровскомъ монастырѣ.

Черезъ 10 лѣтъ, въ 1733 г., по назначеніи архіепископомъ Казанскимъ Иларіона Роголевскаго, воспитанника Кіевской академіи, эта школа была преобразована; для преподаванія въ ней были приглашены изъ Кіева новые учителя и между ними Василій Пуцекъ-Григоровичъ, впоследствии архіепископъ Казанскій Веніаминъ. Съ этого времени считаютъ начало устройства настоящей семинаріи, по всѣмъ регуламъ, назначеннымъ для семинарій духовнымъ регламентомъ. Въ

это время семинарія была переведена въ Зилантовъ монастырь, а въ прежнемъ помѣщеніи ея въ Федоровскомъ монастырѣ, какъ мы уже говорили, была открыта иностранческая школа; при Иларіонѣ началось и строеніе особыхъ каменныхъ зданій для семинаріи на томъ мѣстѣ, гдѣ она помѣщается и нынѣ, возлѣ церкви Петра и Павла. Во время Луки Конзшевича, о миссіонерской дѣятельности котораго мы уже говорили, Казанская семинарія преуспѣла въ своемъ развитіи. Лука вызвалъ новыхъ учителей изъ Кіевской академіи и заботился объ основаніи библіотеки, шлояѣ понимая всю истину словъ духовнаго регламента, «что безъ библіотеки, какъ безъ души академія»; устроивши семинарскую библіотеку, Лука пожертвовалъ въ пользу ея и свою богатую библіотеку, которую онъ собиралъ въ теченіе всей своей жизни. При Лукѣ окончилась постройка особенныхъ каменныхъ зданій для семинаріи, куда она и была переведена изъ Зилантова монастыря. Счастливымъ временемъ для семинаріи считается и управленіе епархіею архіепископа Веніамина, который началъ свое служебное поприще учительствомъ въ этой семинаріи. Веніаминъ увеличилъ семинарскую библіотеку своими пожертвованіями.

Во время архіепископства Веніамина было нашествіе Пугачева и преосвященный былъ оклеветанъ г. Аристовымъ въ размѣнѣ и сношеніяхъ съ Пугачевымъ. Архіепископа потребовали въ слѣдственную комиссію по дѣламъ Пугачева, учрежденную въ Казани; обвиненія казались какъ будто основательными, потому что обвиненный подвергся строгому заключенію; но Веніамину удалось тайно отъ стражи написать оправданіе свое императрицѣ, которая признала его невиновнымъ. Оправданный архіепископъ былъ возведенъ въ санъ митрополита, Екатерина прислала ему на клобукъ крестъ, составленный изъ большихъ брилліантовъ, которые государыня носила на себѣ. Этотъ крестъ, вложенный въ панагію, осыпанную

мелкими брилліантами, хранится въ ризницѣ Благовѣщенскаго собора.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія семинарія была въ цвѣтущемъ состояніи, число учениковъ возросло до 500 челѣв. При Палатѣ І она была преобразована въ академію, въ которую должны были присылаться изъ другихъ семинарій лучшіе ученики для усовершенствованія въ высшихъ наукахъ. Но черезъ 20 лѣтъ, въ 1818 г. она была опять преобразована въ семинарію и подчинена Московской духовной академіи.

Въ 1868 г. семинарія праздновала свой 50-лѣтній юбилей, со времени послѣдней организаціи; но если считать началомъ ея — основаніе въ 1723 г. спеціального духовнаго училища, изъ котораго она возросла, или даже — цифирную школу, основанную въ 1718 г., отъ которой отдѣлилось первое духовное училище, то она праздновала 150-лѣтній юбилей. Къ юбилейному дню преподаватель ея Можаровскій приготовилъ «Краткую историческую записку за ея полуторавѣковое существованіе» и напечаталъ въ Казанскихъ Губерн. Вѣдомостяхъ и Православномъ Собесѣдникѣ нѣсколько статей, представляющихъ важный матеріалъ для болѣе подробной исторіи Казанской семинаріи въ прошедшемъ столѣтіи.

Казанская духовная семинарія сирѣдливо можетъ называться праматерью всѣхъ казанскихъ учебныхъ заведеній, подготовивши для нихъ не мало преподавателей. Въ продолженіе ея полуторавѣковаго существованія въ ней воспиталось не мало лицъ извѣстныхъ въ исторіи русской науки, напр. знаменитый проповѣдникъ временъ императрицы Елизаветы Гедеошъ Криновскій, извѣстный синологъ Іакинѣъ Бичуринъ, филологъ Билярскій и др.

Казанская духовная академія получила свое существованіе недавно, она открыта въ 1846 г. Важнѣйшимъ приобрѣ-

теміемъ ея было высочайше пожалованная ей во время послѣдней войны богатая бібліотека Соловецкаго монастыря, которую сочли необходимымъ увести съ острова, угрожаемаго англійскимъ флотомъ. Съ этого же времени (1855 г.) начинается изданіе академією «Православн. Собесѣдника», для многихъ ученыхъ статей котораго сокровища Соловецкой бібліотеки послужили богатымъ матеріаломъ.

ГИМНАЗИИ.

Казанская гимназія до закрытія ея въ 1788 г. Черезъ 3 года послѣ основанія старѣйшаго русскаго университета — Московскаго, въ 1758 г. подъ управленіемъ этого университета и на его средства, была основана гимназія въ Казани, съ двумя отдѣленіями—для дворянъ и разночинцевъ, съ цѣлью приготовленія къ службѣ военной и частію учебной. Въ числѣ первыхъ учениковъ Казанской гимназіи былъ знаменитый впоследствии поэтъ и министръ Державинъ, по свидѣтельству котораго, обученіе въ гимназіи первоначально ограничивалось чтеніемъ и письмомъ. Многие изъ воспитанниковъ, будучи безъ всякихъ средствъ содержанія, нищенствовали, что и было поводомъ назначенія казеннаго содержанія бѣднѣйшимъ воспитанникамъ. Многие изъ первыхъ воспитанниковъ гимназіи отличались и очень дурнымъ поведеніемъ, такъ что нѣкоторые родители, опасаясь дурнаго товарищества для своихъ дѣтей, взяли ихъ изъ гимназіи; даже бѣдные родители предпочитали помѣщать дѣтей своихъ въ военную школу, основанную въ Казани при Петрѣ I. Впрочемъ новому директору гимназіи ф. Кавицу удалось привести гимназію въ лучшее состояніе. При немъ съ 1770 г. начинается преподаваніе въ гимназіи татарскаго языка, о чемъ ходатайствовалъ еще первый директоръ

гимназіи Веревкинъ, известный писатель прошлаго столѣтія. Веревкинъ представлялъ, что «здѣшній городъ есть главный цѣлаго царства татарскаго національнаго діалекта. Не повелѣно ли будетъ завести въ гимназіяхъ классъ татарскаго языка! со временемъ на ономъ отыскиваемы быть могутъ многіе манускрипты: правдоподобно, что оныя подадутъ нѣкоторый можетъ быть не малый свѣтъ въ русской исторіи». Первымъ учителемъ татарскаго языка былъ переводчикъ Казанской адмиралтейской конторы Халфинъ, сынъ и внукъ котораго также были впоследствии учителями этого языка. Во время директора Каница было нашествіе Пугачева, для отраженія котораго изъ жителей города составлено было нѣсколько отрядовъ, между прочимъ и гимназія выставила свой отдѣльный отрядъ, подъ предводительствомъ директора. Гимназическій отрядъ отличился большею храбростію, нѣсколько воспитанниковъ и самъ директоръ были ранены, два учителя убиты. Гимназія, помѣщавшаяся тогда въ концѣ тогдашняго города, у Грузинской церкви, была разорена и сожжена. Послѣ этого разоренія гимназіи, ее помѣстили на Проложной, у Богоявленія, потомъ на Черномъ озерѣ; но по смерти Каница гимназія стала клониться къ упадку. Въ 1785 г. съ открытіемъ въ Казани Главнаго народнаго училища, гимназія перешла вмѣстѣ съ этимъ училищемъ въ завѣдываніе Приказа обществ. призр., освободившись отъ зависимости Московскаго университета. Приказъ обществ. призр. большее вниманіе обращалъ на новое училище, чѣмъ на гимназію, такъ что послѣдняя въ 1788 г. была закрыта.

Возобновленная гимназія до основанія Казанскаго университета 1804 г. Въ 1797 г. Казанскій генераль-губернаторъ кн. Мещерскій ходатайствовалъ о возобновленіи гимназіи, необходимой для образованія дворянъ, на что и послѣ-

довало соизволеніе императора Павла во время пребыванія его въ Казани въ слѣдующемъ году. Павелъ I пожертвовалъ возобновленной гимназіи Потемкинскую бібліотеку, хранящуюся въ Новороссійскѣ и заключающую въ себѣ многія драгоцѣнности, между прочимъ, еврейскую рукопись Пятакижія Моисея, писанную на телячьихъ кожахъ. Въ годъ возобновленія гимназіи ей пожертвовалъ свою бібліотеку и г. Поляискій, извѣстный своимъ путешествіемъ за границу, гдѣ онъ находился въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Вольтеромъ, который переписывался о немъ съ Екатериною II и подарилъ ему свой портретъ, который, также какъ и портретъ самаго Поляискаго, хранится въ настоящее время въ университетѣ.

Возобновленная гимназія получила новую цѣль своего назначенія—образовать молодыхъ людей для военной и гражданской службы, но не для ученой, какъ было прежде. Гимназія управлялась директоромъ подъ главнымъ начальствомъ губернатора. Первоначально помѣщалась она въ крѣпости, на углу зданія нынѣшнихъ присутственныхъ мѣстъ, въ помещеніе ея входила и такъ называемая «Тронная»—зала, въ которой во время пребыванія Екатерины въ Казани передъ трономъ представлялись ей почетнѣйшіе жители города. Затѣмъ гимназія была помѣщена на мѣсто нынѣшняго университета, зданіе это нынѣ входитъ въ составъ главнаго университетскаго корпуса съ восточной стороны.

Въ числѣ учениковъ возобновленной гимназіи были братья Книжевичи, изъ которыхъ одинъ былъ министромъ финансовъ, Паззаевы, изъ которыхъ одинъ былъ статсъ-секретарь и извѣстный писатель, С. Т. Аксаковъ, двое Перевощиковыхъ—оба впоследствии профессора, Лобачевскій—бывшій профессоръ, ректоръ и помощникъ попечителя въ Казани.

Въ 1802 г. при гимназіи, въ интересахъ магометанскаго населенія здѣшняго края, устроена была азіатская ти-

пографія для печатанія Корана, мусульманскихъ молитвенниковъ и т. п.

Съ учрежденія Минист. Народн. Прав. и открытія учебныхъ округовъ гимназія подчинилась въ 1803 г. первому попечителю Казанскаго учебнаго округа Румовскому, освободившись отъ попечительства мѣстнаго губернатора.

Гимназія соединенная съ университетомъ (1804—1814). Въ 1804 г. былъ утвержденъ уставъ Казанскаго университета. Новый университетъ возникъ изъ гимназіи и въ продолженіе 10 лѣтъ былъ въ тѣсномъ соединеніи съ послѣднею. Директоръ гимназіи (Яковкинъ) управлялъ и университетомъ, первые профессора были назначены изъ учителей гимназіи, совѣтъ гимназіи былъ вмѣстѣ и совѣтомъ университета; университетъ получалъ библіотеку и нѣкоторые кабинеты гимназіи.

Первоначально университетъ помѣщался въ однихъ зданіяхъ съ гимназіей, которая постепенно распространилась покупкою сосѣднихъ домовъ, такъ что помѣщеніе нынѣшняго университета представляетъ уже цѣлый кварталъ; между тѣмъ, для отдѣльнаго помѣщенія гимназіи куплены дома на Черномъ озерѣ, куда гимназія переведена въ 1813 г.

Только въ 1814 г. университетъ окончательно отдѣлился отъ гимназіи, подѣ своимъ отдѣльнымъ управленіемъ.

Гимназія съ 1814—1815 (Магницкій). Со времени отдѣленія гимназіи отъ университета необходимо должно было послѣдовать преобразованіе гимназіи, которая должна была получить новое назначеніе — готовить къ поступленію въ университетъ, а не на службу государственную, какъ было прежде; но Казанская гимназія долго и послѣ этого, даже когда въ другихъ гимназіяхъ былъ уже введенъ новый уставъ

1828 г., оставалась все при уставѣ 1798 г.—до 1835 г. Затѣмъ особенность этой гимназіи отъ современныхъ ей другихъ состояла въ преподаваніи въ ней восточныхъ языковъ, которое постоянно расширялось вмѣстѣ съ развитіемъ этого преподаванія въ университетѣ.

Отдѣленная отъ университета гимназія скоро потерпѣла несчастіе: вновь отдѣланныя для нея зданія въ пожарѣ 1813 г. сгорѣли; гимназія опять перебралась въ зданія университета и принуждена тѣсниться въ нѣсколькихъ комнатахъ, которыя были вмѣстѣ классами и спальнями воспитанниковъ. 1819 годъ составляетъ эпоху въ исторіи Казанской гимназіи и университета, въ этомъ году была знаменитая ревизія этихъ заведеній Магницкимъ, послѣдовавшая вслѣдствіе донесеній тогдашнему министру народн. просв. кн. А. И. Голицыну о безпорядкахъ въ этихъ заведеніяхъ. Справедливость этихъ донесеній подтвердилась. Магницкій убѣдился въ дурномъ гимназическомъ преподаваніи и безпорядкахъ по хозяйственной части, допущенныхъ директоромъ Яковкинымъ, который лишился своего мѣста. Магницкій говорилъ, что гимназія столь обезславлена своимъ неустройствомъ, что жители казанскіе дѣтей своихъ отдають предпочтительно въ находящійся въ этомъ городѣ частный пансіонъ.

Магницкій, какъ извѣстно, послѣ своей ревизіи былъ назначенъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа и прославился своими мѣрами къ водворенію новаго порядка въ преподаваніи гимназическомъ и университетскомъ, а также и въ нравственномъ воспитаніи гимназистовъ и студентовъ. Въ основаніе образованія и воспитанія положено было хрстіанское ученіе; даже отчеты о состояніи гимназіи, офиціальныя бумага и рѣчи, произносимыя на публичныхъ экзаменахъ, писались на основаніи текстовъ священнаго писанія. Въ гимназическомъ отчетѣ 1822 г. состояніе гимназіи сравнивается

съ состояніемъ Израиля во дни Соломона, а въ отчетѣ слѣдующаго года гимназія сравнивается съ тѣмъ свѣтильникомъ, о которомъ говоритъ евангелистъ Лука и при этомъ предоставляется самой публикѣ судить о томъ, стоялъ ли этотъ свѣтильникъ подъ спудомъ или на свѣщницѣ. Нѣсколько учениковъ разговаривали передъ публикою о достоинствахъ поэта и математика, этотъ разговоръ окончился объявленіемъ, что всѣ люди, пришельцы міра, должны умереть, и потому все на свѣтѣ подвержено тлѣнію и самыя науки не избавятъ людей отъ вѣчнаго мученія; всего лучше то ученіе, которое святую истину подтверждаетъ.

Смирено учить жить,
Спокойно умирать.

Въ предупрежденіе соблазна отъ вредныхъ книгъ Магницкій велѣлъ сжечь всю библіотеку гимназіи, пощадивши только двѣ книги. Только благодаря учителю Дунаеву гимназическая библіотека была спасена, такъ какъ Дунаевъ вмѣсто сожженія заперъ книги въ кладовую.

Въ 1820 г., при Магницкомъ, гимназія опять оставила университетъ, удалившись въ свое прежнее помѣщеніе, отдѣланное послѣ пожара.

Въ началѣ царствованія Николая Магницкій подвалъ подъ особенную немилость новаго государя, въ началѣ 1826 г. проживавшій въ г. Казани ген.-маіоръ Желтухинъ получилъ высочайшее повелѣніе о ревизіи университета и гимназіи. Послѣдствіемъ этой ревизіи было удаленіе Магницкаго отъ должности, на мѣсто котораго въ 1827 г. назначень М. Н. Мусливъ-Пушкинъ, который управлялъ округомъ 17 лѣтъ.

Гимназія съ 1835 г. (Основаніе 2 гимназіи). Въ 1835 г., наконецъ, Казанская гимназія преобразована по уста-

ву 1828 г.; при этомъ къ казенному пансіону присоединенъ благородный, основанный на капиталъ, пожертвованный дворянствомъ, по инициативѣ попечителя Мусина-Пушкина, какъ казанскаго дворянина.

Въ 1835 г. была основана вторая Казанская гимназія, преобразованная изъ Главн. Народн. училища, безъ пансіона, для приходящихъ только учениковъ.

Въ 1836 г. первую гимназію посетилъ императоръ Николай I и повелѣлъ присоединить къ гимназіи сосѣднюю съ нею церковь Воздвиженія Креста, а прихожанъ этой церкви приписать къ другимъ приходамъ.

Въ томъ же году, по высоч. повелѣнію расширено преподаваніе въ гимназіи восточныхъ языковъ, предписано преподавать языки: арабскій, турецкій, персидскій, китайскій, армянскій, монгольскій и татарскій. Съ этого времени въ числѣ казенныхъ воспитанниковъ гимназіи являются представители разныхъ восточныхъ національностей: Татары, Калмыки, Башкиры, Мещераки и Буѣрты. Въ Казанской гимназіи издавна обучались дѣти Казанскихъ Татаръ и даже магометане Сибирскаго края; но до Мусина-Пушкина они не допускались для жительства въ самой гимназіи, совмѣстно съ казеннокѣштными воспитанниками и пансіонерами, считалось невозможнымъ допустить жить въ одной комнатѣ христіанъ съ магометанами. Мусинъ-Пушкинъ предписалъ, что исповѣданіе магометанскаго закона не можетъ служить препятствіемъ къ помѣщенію въ гимназическомъ пансіонѣ. Въ числѣ преподавателей гимназіи въ то время были также представители Востока: казанскій татаринъ, жители Селенгинска и Дербента, природный Китаецъ и сынъ Аравійской пустыни. Такая особенность первой Казанской гимназіи относительно преподаванія въ ней восточныхъ языковъ прекращается современіи переведенія Восточнаго факультета изъ Казанскаго университета въ С.-Петербургскій; впрочемъ, во вни-

маніе къ особенному положенію Казани, предписано оставить въ гимназіи преподавателя татарскаго языка и для обученія этому языку 4 учениковъ изъ числа опредѣленнаго въ 1836 г.

Въ 1868 г. 1 Казанская гимназія праздновала свой 100-лѣтній юбилей, считая основаніе свое въ 1758 г. и вычитая 10 лѣтъ, когда она была закрыта. Къ юбилейному дню гимназіи высочайше даровано названіе «Императорской», какъ она называлась въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, но въ 1828 г., по распоряженію министра, она была лишена этого титула, по невозможности гимназіи доказать право на него. Первая Казанская гимназія — единственная во всей имперіи съ титуломъ «Императорской» и старѣйшая изъ всѣхъ русскихъ гимназій. Учителемъ ея г. Владиміровымъ къ празднованію юбилея приготовлена «Историческая записка о 1 казанской гимназіи», которая представляетъ богатый матеріалъ не только для 100-лѣтней исторіи этой гимназіи, но и по другимъ вопросамъ исторіи г. Казани.

УНИВЕРСИТЕТЪ.

Попечительство Румовскаго (1804—1812). Основанный въ 1804 г. изъ гимназій университетъ былъ открытъ въ 1805 г. Главною заботою попечителя Румовскаго было замѣщеніе кафедръ; по невозможности найти ихъ между Русскими, стали вызывать нѣмцевъ. Скоро образовалась въ Казани цѣлая колонія ихъ на Пошовой горѣ. Многие изъ этихъ нѣмецкихъ профессоровъ пользуются почетнымъ именемъ въ исторіи науки, напр. Бартельсъ, Браунъ, Броннеръ, Литровъ, Френъ, Фуксъ, Эрдманъ и др. Большинство профессоровъ-нѣмцевъ читали лекціи на иностранныхъ языкахъ — латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ. Незнаніе профессорами

русскаго языка не только затрудняло преподаваніе, но и совѣтскія засѣданія, такъ что секретарь совѣта долженъ былъ переводить на латинскій или нѣмецкій языкъ назначенныя къ слушанію бумаги.

Впрочемъ, постепенно въ университетѣ появляются адъюнкты и магистры, бывшіе воспитанники этого университета, напр. Перевощиковъ, Лобачевскій, Сизъновъ.

Новый университетъ скоро сталъ привлекать къ себѣ вниманіе публичными засѣданіями Общества любителей отечественной словесности, которое открыло свои засѣданія съ 1806 г., задолго до официального утвержденія своего устава.

Въ 1807 г. основана при университетѣ русская типографія, а съ 1811 г. при немъ начинается изданіе Казанскихъ вѣстей, которыя въ 1809 г., по представленію Казанскаго губернатора Мансурова, предполагалось издавать даже на русскомъ и татарскомъ языкахъ.

До 1810 г. при университетѣ не было клиники и практическая медицина не преподавалась, въ этомъ году, по представленію и плану профессора Эрдмана, устроена была клиника сначала на 4, а потомъ на 10 кроватей.

Попечительство Салтыкова (1812—1818). По смерти Румовскаго былъ назначенъ попечителемъ Салтыковъ, получившій французское, энциклопедическое образованіе, бывший представителемъ французскихъ правовъ конца прошедшаго столѣтія. О характерѣ и отношеніяхъ Салтыкова къ университету можно судить по одному рассказываемому анекдоту, что Салтыковъ, зная крайне невѣжественное преподаваніе Яковкина (онъ-же начальникъ гимназій и университета въ то время), очень часто и горячо упрекалъ его въ томъ, даже вызывалъ на поединокъ.

При Салтыковѣ университетъ получилъ самостоятельное устройство, отдѣлившись отъ гимназіи въ 1814 г. съ раздѣленіемъ на 4 факультета, подъ управленіемъ ректора (Браунъ).

Въ этомъ же году былъ утвержденъ уставъ Общества любителей отечественной словесности, которое ознаменовало это торжественнымъ публичнымъ засѣданіемъ, въ которомъ былъ прочитанъ историческій очеркъ Общества и выражены намѣренія и цѣль для будущей дѣятельности. «Мы живемъ, говорило Общество, между многими иноплемениными народами, въ древнемъ татарскомъ царствѣ, въ виду бывшей болгарской столицы. Татары, Чуваши, Черемасы, Мордва, Зыряне окружаютъ насъ. Армяне, Персіане, Башкирцы, Калмыки, Бухарцы и Китайцы ближе къ намъ, нежели къ другимъ Обществамъ. Мы удобнѣе можемъ имѣть касательно языка или словесности ихъ сношенія и изъ онаго дѣлать употребленіе. Какъ полезно собирать различныя пѣсни сихъ народовъ, сказанія, записки, повѣсти, книги, надписи и т. п. и все сіе еще весьма ново». Но справедливо замѣчаетъ историкъ Казанск. Общества любит. отечествен. словесности, бывший адъюнктъ Казанскаго университета, а нынѣ профессоръ Московскаго университета, Н. А. Поповъ (Русск. Вѣсти. 1859 г., т. XXIII), что исполненіе этой мысли объ этнографическомъ изученіи края, принадлежавшаго къ Казанскому учебному округу, было еще не по силамъ тому времени. Въ 1816 г. Общество собиралось по случаю смерти Державина, передъ украшеннымъ разными эмблемами изображеніемъ поэта прочтены были 4 произведенія самого Державина, краткая біографія его, нѣсколько стихотвореній въ честь его и разсужденіе о заслугахъ его россійской словесности; было также сдѣлано предложеніе поставить ему памятникъ.

Въ 1818 г. открыто было въ Казани Отдѣленіе Библейскаго Общества, въ числѣ директоровъ котораго былъ ректоръ уни-

верситета и одинъ изъ профессоровъ. Замѣчательно, что открытію этого Отдѣленія предшествовали «публичныя изъясненія св. писанія и катехизиса» въ соборной церкви, о чемъ извѣщалось публикаціями въ Казанскихъ Извѣст.

Но во внутренней жизни университета было далеко не все въ порядкѣ, слышались отовсюда неудовольствія на студентовъ и самихъ профессоровъ. Студенты и гимназисты часто забираемы были по ночамъ въ полицію за беспорядки: они шумѣли на улицахъ, пускали ракеты, отличались въ кулачныхъ бояхъ на Кабанѣ, бывали случаи и верховой ѣзды на коровѣ вмѣсто лошади. Мѣры попечителя Салтыкова къ прекращенію этихъ беспорядковъ не помогали. Поведеніе профессоровъ было также зазорное: они перессорились и подавали другъ на друга жалобы самаго неприличнаго содержанія. Протоколы совѣта переполнены множествомъ дѣлъ по этимъ жалобамъ, гдѣ были выведены на сцену жены, дочери, кухарки профессоровъ и разоблачены самыя сокровенныя семейныя дѣла.

Время Магницкаго. Салтыковъ уволенъ отъ должности въ 1818, а въ 1819 г. последовала ревизія университета Магницкимъ. Ревизоръ нашелъ университетъ въ крайне-разстроенномъ состояніи: большинство профессоровъ онъ объявлялъ негодными; между студентами замѣчано крайнее невѣжество и особенно недостатокъ религіознаго образованія: одинъ изъ студентовъ даже не зналъ числа заповѣдей; въ дѣлахъ хозяйственныхъ полный безпорядокъ; учебно-вспомогательныя заведенія въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи. Вотъ какъ описываетъ Магницкій анатомическій театръ: «Ничего не можетъ быть постыднѣе для публичнаго ученаго заведенія, какъ то, что при Казанскомъ университетѣ называется анатомическимъ театромъ. Онъ есть изба, довольно неопрятная, съ

русскою печью, въ которой стоятъ на столѣ ящикъ съ инструментами, и недалеко небольшой шкапъ съ набранными, какъ бы по случаю, человѣческими разными частями костей, изъ коихъ нѣкоторыя объѣдены крысами. Есть только полный скелетъ четвероногого иѣтуха и двухъ утокъ. Причиною того, что нѣтъ основовъ человѣческихъ тѣлъ, мужскаго и женскаго, сказано мнѣ медико-хирургомъ, что три мужскія тѣла, два женскія, одинъ медвѣдь и лошадь размачиваются, уже три года, въ особенномъ домѣ, который купленъ для сего городомъ. Замѣтимъ къ этому, что въ то время было трудно обогащать анатомическій театръ новыми приобрѣтеніями, только съ 1827 г. дозволено было доставлять сюда тѣла умершихъ въ тюрьмахъ преступниковъ, скоропостижно умершихъ и самоубійць.

Магницкій, назначенный попечителемъ, долженъ былъ преобразовать университетъ на новыхъ началахъ. Нѣкоторые профессора были уволены (10 человекъ, а потомъ еще двое); во главѣ управленія университета былъ поставленъ, подобно С.-Петербургск. университету, директоръ, которому подчиненъ выбранный совѣтомъ университета ректоръ. Въ основаніе университетскаго образованія полагается религіозно-нравственное воспитаніе.

Изъ студентовъ образовано что-то въ родѣ отшельническаго братства. Провинившіеся изъ студентовъ назывались грѣшниками и вмѣсто карцера заключались въ «комнату уединенія», на стѣнахъ которой былъ изображенъ страшный судъ; объ этихъ грѣшникахъ возносился въ храмѣ молитвы, къ намъ приходилъ духовникъ для увѣщанія. По торжественнымъ праздничнымъ днямъ на университетскомъ дворѣ приготавлились обѣденные столы для нищей и убогой братіи, которымъ студенты должны были прислуживать. Награды и медали выдавались въ особенности за успѣхи въ Богопознаніи и благочестіи.

Изданныя въ это время инструкціи директору и ректору стѣсняли свободу не только слова, но и мысли; главнымъ источникомъ лекцій для большинства предметовъ полагалось священное писаніе. Надъ всѣми кафедрами начертаны были огромными буквами надписи: «въ злохудожну душу не видеть премудрость, ниже обитаетъ въ телѣси повинномъ грѣху». А надъ кафедрою философіи воздвигнута доска съ нѣсколькими текстами изъ апостольскихъ посланій, которые гласятъ о ненадежности человѣческихъ умствованій, напр.: «блюдитесь, да никто же васъ будетъ прельщая философією и тщетною лестию, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христу». (Колосс. II, 8). Доска эта понынѣ сохраняется въ университетѣ.

Подобно тому, какъ въ гимназій Магницкій велѣлъ сжечь всю библіотеку, большинство книгъ изъ университетской библіотеки онъ не велѣлъ выдавать даже профессорамъ.

Казанскія Извѣстія, которыя съ теченіемъ времени расширили свою программу, принимали живое участіе по всѣхъ интересахъ общественной жизни, пытались даже утвердить на своихъ страницахъ знамя общественной гласности, найдены неудовлетворительными; съ 1820 г. ихъ замѣнилъ Казанскій Вѣстникъ, который наполнялся преимущественно статьями духовнаго содержанія, въ Вѣстникѣ должны были помѣщаться и извѣстія «о христіанскихъ нововведеніяхъ въ домашнемъ быту Казанскаго университета».

Общество любителей отечественной словесности при Магницкомъ не собиралось, за то при университетѣ было открыто «сотоварищество Библейскаго Общества».

Зданія университета подверглись при Магницкомъ перестройкѣ, два главныхъ зданія были соединены въ одно пристройкою въ срединѣ, гдѣ устроена и церковь, имѣющая символическое освѣщеніе съ верху, устроенное въ видѣ Все-

видящаго Ока, иконы иконостаса поставлены въ видѣ креста, на кровлѣ университета воздвигнуть высокій золотой крестъ.

Магницкій не обращалъ никакого вниманія на уставъ университета, раздавалъ кафедры и оклады совершенно по произволу, переводилъ съ одной кафедры на другую, давалъ своимъ любимцамъ двойные и даже тройные оклады, определялъ профессорами лицъ, которые не имѣли на то права. Понятно, что при такомъ господствѣ личнаго произвола попечителя, все основывалось на угожденіи ему. Между профессорами началось крайнее лицемеріе, съ цѣлью показать себя достойными расположенія попечителя: большинство профессоровъ старалось всячески выказать свое христіанское смиреніе и благочестіе, профессора отказались даже отъ употребленія вина и на именинныхъ обѣдахъ позволяли себѣ пить здоровье только медомъ.

Въ 1823 г. Магницкій прибылъ въ Казань изъ С. Петербурга, гдѣ обыкновенно жили прежніе попечители, и произнесъ въ торжественномъ собраніи университета замѣчательную рѣчь, въ которой говорилъ о преобразованномъ имъ университетѣ: «могу сказать, что видѣлъ университетъ, и университетъ единственный по своему достоинству, по отличнымъ способностямъ, по высокимъ познаніямъ лицъ, почтенное сословіе его составляющихъ; единственный по доброму духу преподавателей, по личной и всему городу, предъ которымъ смѣло говорю сіе, извѣстной ихъ нравственности и благоповеденію; единственный по доброму духу, благоправію, скромности, образованности и отличнымъ успѣхамъ во всѣхъ полезныхъ знаніяхъ студентовъ».

Но торжествующія Магницкой скоро палъ. Желтухинъ, ревизовавшій въ 1826 г. университетъ, нашелъ въ немъ тоже, что Магницкій находилъ въ 1819 г.: неудовлетворительное преподаваніе, неустройство учебно-вспомогательныхъ заведеній и безпорядки въ хозяйственномъ управленіи.

Окончательная организація университета при Муслинѣ—Пушкинѣ. Время попечительства Муслина—Пушкина можно назвать временемъ окончательной организаціи Казанскаго университета. Послѣ увольненія Магницкаго должность директора университета и инструкція, данная директору и ректору, были уничтожены. Сотрудникомъ Муслина-Пушкина по устройству университета былъ ректоръ послѣдняго Лобачевскій.

Для приготовленія лицъ достойныхъ къ замѣщенію кафедръ Казанскій университетъ сталъ посылать молодыхъ людей за границу, сначала посланъ былъ одинъ лекарь, потомъ еще 5 человекъ; но послѣднихъ въ С.-Пѣтб. подвергли экзамену въ особой комисіи, нашли изъ нихъ трохъ «ненадежными» и возвратили назадъ въ Казань, взыскавши съ членовъ совѣта университета издержки за путешествіе въ сѣверную столицу трохъ «ненадежныхъ» кандидатовъ въ профессора. Послѣ такой неудачи Казанскій университетъ не рѣшался избирать молодыхъ людей для отправленія въ профессорскій институтъ и за границу, а обратился опять къ нѣмцамъ, которыхъ много поступало въ университетъ при Муслинѣ-Пушкинѣ. Запросъ на профессоровъ особенно увеличился послѣ изданія новаго университетскаго устава въ 1835 г., по которому значительно увеличилось число кафедръ сравнительно съ прежнимъ.

Затѣмъ было обращено вниманіе на устройство учебно-вспомогательныхъ заведеній, которыя были обогащены новыми приобрѣтеніями и для нихъ воздвигнуты были новыя постройки на университетскомъ дворѣ. Предсѣдателемъ строительнаго комитета, открытаго въ 1833 г. для постройки надворныхъ зданій, былъ Лобачевскій, который даже въ интересахъ столь важнаго дѣла обучился самъ архитектурѣ. Въ 1841 г. были окончаны постройки: обсерваторія, бібліотека, анатомическій театръ, физическій кабинетъ и химическая лабораторія.

Нѣсколько раньше, въ 1827 г. приступили къ постройкѣ клиники, которая была открыта въ слѣдующемъ году на 60 кроватей; но черезъ 10 лѣтъ приступили къ перестройкѣ всего зданія, вслѣдствіе замѣчанія императора Николая I, посѣтившаго въ 1836 г. Казанскій университетъ, что клиники для пользы науки и для пользы Казани должны быть гораздо обширнѣе. Въ слѣдующемъ году на постройку ихъ высочайше ассигновано 200,000 ассигн., въ 1840 г. они были открыты во вновь отдѣланномъ зданіи, противъ главнаго университетскаго корпуса, на противоположномъ углу Воскресенской улицы.

Въ 1834 г. устроенъ ботаническій садъ на берегу Верхняго Кабана, въ Архангельской слободѣ, до того времени онъ находился на университетскомъ дворѣ, по скату горы, на которой нынѣ стоятъ обсерваторія и библіотека.

Въ 1827 г. азіатская типографія присоединена къ университетской.

Такимъ образомъ университетъ былъ приведенъ почти въ тотъ видъ, въ которомъ онъ представляется въ настоящее время.

Особенность Казанскаго университета, также какъ и первой Казанск. гимн., сравнительно съ другими университетами и гимназіями, представлялась въ преподаваніи въ первыхъ восточныхъ языковъ; но въ 1854 г. высочайше повелѣно перевести Восточный факультетъ изъ Казани въ Сиб. унив. Историкъ послѣдняго по этому поводу говоритъ, что Казанскій университетъ развитіемъ въ немъ преподаванія восточныхъ языковъ былъ обязанъ своему попечителю Мусину-Пушкину, который съ особенною любовью покровительствовалъ этой отрасли знанія; что послѣ перевода Мусина-Пушкина попечителемъ Сиб. учебнаго округа изученіе восточныхъ языковъ въ Казани стало приходить въ упадокъ и что, по ходатайству Мусина-Пушкина, было рѣшено перевести Восточный факультетъ

въ Слб. (Императорскій Слб. университетъ В. В. Григорьева, 123.124).

Замѣтимъ, что важнѣйшими печатными источниками для исторіи университета во время Мусина-Пушкина служатъ: отчетъ составленный послѣднимъ за свое 17 лѣтнее управленіе округомъ и Историческая записка о жизни и дѣятельности Н. И. Лобачевского, напечатанная профессоромъ Янишевскимъ. Послѣдняя статья представляетъ нѣкоторыя любопытныя подробности и объясненія и времени Магницкаго, о которомъ новѣйшая литература представляетъ нѣсколько статей.

Университетская библіотека, въ основаніе которой вошла Потемкинская и Полянскаго, съ теченіемъ времени постоянно возрастала и въ настоящее время въ ней считается болѣе 80,000 томовъ. Въ 1833 г. съ переводомъ въ Слб. Восточнаго факультета библіотека Казанск. университета лишилась и богатѣйшей коллекціи рукописей и книгъ, относящихся къ изученію Востока, перевезенной въ Слб. университетъ. Въ числѣ рѣдкостей библіотеки въ настоящее время можно указать: нѣсколько старинныхъ рукописей, которыя описаны извѣстнымъ археологомъ Артемьевымъ; первая напечатанная въ Москвѣ въ 1564 г. книга—Дѣянія Апостольскія; Пятикнижіе Моисея на еврейскомъ языкѣ, писанное на 50 кожахъ; ариметика на французскомъ языкѣ, писанная собственноручно Суворовымъ; здѣсь также сохраняются столъ, кресла и письменный приборъ, принадлежавшіе Державину, и его автографъ.

Историко - этнографическій музей или, какъ онъ прежде назывался, кабинетъ рѣдкостей получилъ свое основаніе по возвращеніи изъ кругосвѣтнаго путешествія бывшего профессора и ректора Казанск. унив. Симонова, который привезъ разные костюмы и другія вещи съ острововъ Океаніи.

Одна изъ вещей, привезенныхъ Симоновымъ, послужила для Казанскаго университета, подъ влияніемъ Магницкаго, къ очень важнымъ научнымъ выводамъ съ цѣлью обличенія естественнаго права, которое Магницкій особенно преслѣдовалъ. (Преподаватель этой науки, несомнѣнно человекъ замѣчательный учености, бывший ректоромъ университета, Солнцева былъ удаленъ Магницкимъ изъ университета, послѣ университетскаго суда надъ Солнцевымъ за зловерное преподаваніе. Солнцева впоследствии былъ Казанскимъ губернскимъ прокуроромъ). Симоновъ съ одного новооткрытаго острова привезъ значекъ начальника: прикрѣпляемый къ его лодкѣ. «Казанскій университетъ, доносилъ Магницкій министру, воспользовавшись симъ случаемъ, сдѣлалъ разсужденіе, что значекъ сей, составляющій родъ знамени, который отличаетъ начальника жителей дикаго острова, вопреки всѣмъ неистовымъ теоріямъ естественнаго права о равенствѣ и значеніи человека, доказалъ, что даже открытыя предъ глазами нашими дикіе, совсѣмъ иначе мыслить и присылаютъ намъ неоспоримый знакъ ихъ покорности естественному самодержавію».

Особенно обогащенъ кабинетъ рѣдкостей бывшимъ профессоромъ Казанскаго, а нынѣ Наршавскаго университета, Ковалевскимъ, который во время своего 4 лѣтняго пребыванія въ Сибири и потомъ путешествія по Забайкальскимъ степямъ и въ Пекинъ, приобрѣлъ для университета: тибетскую аптеку, собраніе мѣдныхъ вещей, принадлежащихъ къ буддійскому жертвеннику Бурятъ, костюмы китайскіе, маньчжурскіе, монгольскіе и буддійскія богослужебныя ризы, одѣянія ламъ, Бурятъ, статуи и живописныя изображенія божествъ, китайскія картины, рукописи, книги, монеты и т. п.

Впоследствии отъ г. Зарембо приобрѣтены костюмы и рѣдкости американскихъ племенъ, у бывшаго профессора минералогіи Вагнера куплены рука и нога египетской муміи.

Наконецъ бывшій профессоръ Казанскаго, а потомъ Московскаго университета, Ешевскій дополнялъ кабинетъ костюмами разныхъ національностей здѣшняго края.

Ученныя Общества и періодическія изданія въ Казани. Въ 1828 Общество любителей отечественной словесности возобновило свои засѣданія и въ немъ опять явилась мысль о сооруженіи въ Казани памятника Державину. Въ 1831 разрѣшена повсемѣстно въ Россійской имперіи подписка на сооруженіе этого памятника, который, наконецъ, въ 1847 поставленъ на университетскомъ дворѣ, согласно изъявленной на это воли императора Николая, но въ 1871 памятникъ перенесенъ на театральную площадь.

Съ 1830 Общество любителей словесности не имѣло постоянныхъ засѣданій, «по причинамъ, большею частію отъ него не зависѣвшимъ», въ 1846 оно возобновило свои засѣданія, и затѣмъ до послѣдняго времени, уже много лѣтъ, не собирается и ничѣмъ не выражаетъ доказательствъ своего существованія.

За то въ послѣдніе годы при Казанскомъ унив. основаны два новыя ученныя Общества: Общество естествоиспытателей и Общество врачей г. Казани.

Первое, открытое въ 1869, своимъ девизомъ выбрало: «in specialibus generalia quaerimus» и задачей своей дѣятельности поставило: «изслѣдованіе въ естественновѣсторическомъ отношеніи восточнаго края Россіи и Сибири».

Второе обращаетъ вниманіе на изученіе г. Казани въ санитарномъ отношеніи.

Въ 1832 окончилъ существованіе Казанскій Вѣстникъ. Прибавленія къ нему, печатавшіяся отдѣльно въ 1824—1823 и 1828—1832 г., продолжались еще два года. Съ 1834 начинается изданіе Ученыхъ Записокъ Казанск. унив., продолжающееся донынѣ.

Въ 1832—1834 двумя адъюнктами университета (Рыбушкинъ и Полиповскій) издавался журналъ «Заволжскій Муравей», въ которомъ преобладали преимущественно статьи, имѣющія мѣстный интересъ. Затѣмъ до 1867 не было никакихъ частныхъ періодическихъ изданій въ Казани; единственною мѣстною газетою были Губернскія Вѣдомости, которыя стали выходить съ 1838 г., и въ сороковыхъ годахъ, особенно при редакціи неофициальной части магистра здѣшняго университета, нынѣ извѣстнаго археолога Артемьева, представляли много интересныхъ статей, относящихся къ исторіи и этнографіи здѣшняго края. Въ 1867 профессоръ Шпилевскій издавалъ «Справочный листокъ г. Казани», а съ слѣдующаго года профессоръ Чугуновъ издаетъ «Биржевой Казанскій листокъ», а съ 1872 г. г. Агафоновъ «Волжско-Камскую газету».

Въ 1839 учреждено Императорское Казанское Вольно-Экономическое Общество, издававшее въ прежніе годы «Записки», при секретарѣ Общества, бывшемъ профессорѣ Казанск., а потомъ Московск. унив., извѣстномъ технологѣ Киттары.

Объ изданіи при духовной академіи «Православнаго Собесѣдника» мы уже говорили, съ 1867 при академіи издаются и «Епархіальныя Извѣстія».

Театръ. Начало драматическихъ представленій въ Казани стоитъ въ связи съ исторіею древнѣйшихъ казанскихъ учебныхъ заведеній. Первые драматическія представленія въ Казани начались съ 1728 г., когда въ архіерейской школѣ «въ свободное отъ ученія время студенты, по силѣ духовнаго регламента, занимались на мусикійскихъ инструментахъ и приготовляли комедійныя акціи для повсягоднаго celebрованія оныхъ казанской публикѣ».

Открытая въ Казани гимназія начала конкурировать въ драматическихъ представленіяхъ съ семинаріею. Въ 1760 г.,

при утвержденіи новаго штата гимназій кураторъ Московскаго университета Шуваловъ предписалъ директору гимназій Веревкину отпраздновать эту милость императрицы Елизаветы самымъ блистательнымъ образомъ. Веревкинъ, въ исполненіе предписаній куратора, устроилъ благодарственный молебенъ съ пушечною пальбою, произнесеніе рѣчей, обѣдъ на 117 чел., кругомъ обѣденныхъ столовъ были поставлены разныя картины, приличныя торжеству, и послѣ обѣда представлена была комедія Мольера «Школа мужей». Веревкинъ, описывая Шувалову это празднество, говоритъ: «вотъ и въ Татаріи Мольеръ уже извѣстенъ». Директоръ ф. Каницъ также часто устраивалъ въ гимназій драматическія представленія, пожертвованія публики за представленія шли на содержаніе воспитанниковъ. Императрица Екатерина II придавала театру важное общественно-воспитательное значеніе, во время пребыванія въ Казани Екатерина спросила Казанскаго губернатора Квашнина-Самарина о гимназическомъ театрѣ и поручила ему «содѣйствовать возобновленію въ гимназіяхъ театральныхъ представленій, которыя передъ этимъ было прекратилась, и, сколь возможно, склонять къ тому здѣшнее дворянство, которое посредствомъ сихъ представленій могло научиться пріятному обращенію и необходимой въ свѣтѣ ловкости». Согласно желанію Екатерины въ гимназическихъ спектакляхъ стали принимать участіе лица изъ знатныхъ фамилій города.

Бывшій въ 1791 г. губернаторъ кн. Баратаевъ устроилъ, подъ управленіемъ приглашеннаго въ Казань придворнаго актера Бобровскаго, постоянный театр, который помѣщался сначала на Воскресенской, а потомъ на Булакѣ до 1798 г. Въ этомъ году, во время пребыванія въ Казани императора Павла, казанскій помѣщикъ Есиповъ испросилъ высочайшее соизволеніе на открытіе въ Казани публичнаго театра. Объ этомъ театрѣ воспоминаетъ Аксаковъ въ своемъ сочиненіи

«Семейная хроника и воспоминанія» и Вигель въ своихъ «Запискахъ».

Есиповъ образовалъ театръ изъ своихъ крѣпостныхъ, которые обучались у придворныхъ петербургскихъ актеровъ, снабжалъ театръ блестящимъ гардеробомъ. Аксаковъ говорить, что «Казань имѣла замѣчательный театръ тогда, когда губернскихъ театровъ, и то весьма плохихъ, въ цѣлой Россіи было очень мало». Изъ исторіи этого театра разсказываютъ одно событіе, характеризующее тогдашнія понятія и религіозное направленіе Казанскихъ Татаръ. Есиповъ поставилъ однажды на сцену трагедію Магометъ, въ театрѣ было много Татаръ. Едва увидѣли они на сценѣ чалму Магомета и произнесено было имя его, между ними началось смѣтеніе: съ криками: алла! алла!... они бѣжали изъ театра; другіе, люди болѣе простые, вообразили настоящаго Магомета, который пришелъ для укоризны ихъ за посѣщеніе иновѣрнаго собранія, они падали ницъ и сбрасывали свои туфли, тоже съ криками: алла! Съ этого времени Татары долго не посѣщали театръ, который и въ настоящее время посѣщается немногими Татарами. О Казанскихъ Татарахъ должно вообще сказать, что они никогда не показываются въ какія-нибудь собранія Русскихъ, живутъ особнякомъ, въ своихъ слободахъ, своимъ обществомъ. Исключеніе изъ этого представляютъ очень немногіе.

Театръ Есипова разстроился по смерти его въ 1814 и окончательно уничтожился послѣ пожара 1815, въ которой сгорѣло зданіе театра. Послѣ этого нѣсколько разъ устраивались временные театры, въ 1833 г. стараніями Казанскаго губернатора Стрекалова, былъ открытъ постоянный, который сгорѣлъ въ пожаръ 1842 г. Съ того времени были опять только временные театры до 1851 г., когда былъ открытъ каменный, нынѣ существующій театръ, принадлежащій городскому

обществу; въ 1860 сгорѣлъ и этотъ театр, оставивши только стѣны. Въ 1867 онъ отстроенъ.

Женскія учебныя заведенія. Старѣйшимъ сравнительно женскимъ учебнымъ заведеніемъ въ Казани представляется Казанскій Родіоновскій институтъ для благородныхъ дѣвицъ, который былъ устроенъ въ 1841 г. на капиталъ, пожертвованный казанскою помѣщицею Родіоновою, вдовою полковника Родіонова, убитаго во время нашествія Пугачева на Казань. Институтъ основанъ на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде была роща кн. Болховскаго, въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія это было мѣсто прогулокъ казанскихъ жителей. Первый выпускъ воспитаницъ былъ въ 1846 г.

Въ 1852 г. основано «Училище для дѣвицъ духовнаго званія», а въ 1859 «Маріинское женское училище 1 разряда», нынѣ женская гимназія.

Памятники пребыванія въ Казани Петра I, Екатерины II, Павла I, Николая I: Сукошная фабрика, Петропавловскій соборъ, галера Тверь и пр. Въ 1722 г. Петръ I отправился въ персидскій походъ, водою, внизъ по Волгѣ, останавливаясь между прочемъ и въ Казани. Здѣсь онъ обратилъ особенное вниманіе на промышленное развитіе этого города. По его волѣ, еще въ 1714 г. въ Казани была устроена сукошная фабрика, въ 1719 кожевенный заводъ, а въ 1718 адмиралтейство, съ верфью для постройки судовъ на Каспійское море. Во время пребыванія въ Казани Петръ съ особеннымъ вниманіемъ разсматривалъ основанныя имъ учрежденія, а также и подобныя учрежденія частныхъ лицъ; особенно остался доволенъ сукошною фабрикою купца Михалева, которая оказалась въ лучшемъ состояніи, нежели казенная, поэтому Петръ передалъ Михалеву и свою казенную

фабрику. Впоследствии эта фабрика перешла къ купцу Дряблову, бывшему первымъ Казанскимъ городскимъ головою въ 1767 г., отъ него фабрика перешла во владѣніе гг. Осокиныхъ. Казанскій кожевенный заводъ впоследствии былъ закрытъ, уничтожена также верфь и адмиралтейское управленіе; въ настоящее время только названіе Адмиралтейской слободы напоминаетъ учрежденіе Петра.

Благодарный Петру Михляевъ въ память пребыванія своего благодѣтеля въ Казани построилъ храмъ во имя Петра и Павла, къ которому примыкалъ домъ, бывший квартирою Петра. Въ этомъ храмѣ хранится присланная Петромъ лжица съ надписью *Peter magnus*.

Воспоминаніемъ о Петрѣ служитъ также икона, пожертвованная церкви тюремнаго замка бывшимъ Казанскимъ губернскимъ прокуроромъ Солицовымъ, о которомъ мы уже говорили. Этою иконою былъ благословенъ Петръ I въ Кіевѣ, она была въ персидскомъ походѣ и отличается оригинально-стію изображенія—двуглавый орелъ съ образомъ Неопалимой Купины посреди, и кругомъ въ разныхъ мѣстахъ лики святыхъ.

Памятникъ путешествія Екатерины II по Волгѣ и пребыванія ея въ Казани сохраняется въ особомъ зданіи въ Адмиралтейской слободѣ, эта галера «Тверь», на которой императрица путешествовала по Волгѣ отъ Твери до Симбирска, занимаясь, между прочимъ, во время плаванія переводомъ извѣстнаго въ то время сочиненія Мэрмонтеля «Велизарій». Въ переводѣ этомъ участвовали и многія лица ея свиты, переводъ этотъ былъ напечатанъ. Изображеніе галеры императрицы, какъ символъ путешествія ея по Волгѣ, входитъ въ гербъ г. Костромы, данный самою Екатериною во время пребыванія ея въ этомъ городѣ. Въ дѣвичьемъ монастырѣ о пребыванія въ Казани Екатерины II напоминаютъ двѣ брилліантовыя короны,

которыя Екатерина повѣсила на золотыхъ вѣнцахъ чудотворной иконы Казанской Божіей матери и мѣстной иконы Спасителя.

Но въ исторіи Казани пребываніе въ ней лицъ Царскаго Дома имѣеть особое значеніе по тѣмъ учрежденіямъ, которыя получили начало, по поводу пребыванія ихъ въ Казани. Такъ, напр., мы упоминали, что Павелъ во время пребыванія въ Казани утвердилъ возобновленіе гимназій, разрѣшилъ открытіе публичнаго театра, положилъ основаніе первой въ Казани единавѣрческой церкви; сверхъ того онъ дозволилъ построить гостинный дворъ и пожаловалъ на это въ 10 лѣтъ безъ процентовъ 200,000 р.; городу также пожалованы тогда мельница, торговая баня и земля съ лугами и лѣсами. Казань Павлу очень понравилась, онъ прожилъ въ ней цѣлую недѣлю и сказалъ публично, «что ему сказано было о народѣ въ Казани, что грубой; но онъ напротивъ нашелъ много обходительнымъ и просвѣщеннымъ, а паче дамъ, и въ самой Москвѣ таковыхъ мало находилъ». Павелъ останавливался въ домѣ генерала Лецкого «что на полѣ»; уѣзжая императоръ приказалъ улицѣ, гдѣ былъ этотъ домъ, навсегда именоваться Лецкой. (Осмнадцатый вѣкъ, кн. IV, ст. «Императоръ Павелъ въ Казани»).

Пребываніе императора Николая I, какъ мы видѣли, ознаменовалось построеніемъ клиники, присоединеніемъ къ гимназій церкви, возобновленіемъ Сласской церкви.

ОКРЕСТНОСТИ КАЗАНИ.

Арекое поле. Въ лѣтописяхъ борьбы Москвы съ Казанью много разъ упоминается Арекое поле, какъ мѣсто главныхъ битвъ Русскихъ съ Татарами, когда первые подходили къ городу; здѣсь происходили и важнѣйшія схватки Русскихъ

съ Татарамъ въ послѣднюю осаду, передъ взятіемъ города, въ 1552 г.; на это поле выѣзжалъ тогда изъ прилежащаго лѣса кн. Яванча съ своими всадниками и много вредилъ русскому войску, осаждавшему городъ.

Основываясь на одномъ мѣстѣ Казанской лѣтописи, относящемся къ походу Русскихъ подъ Казань въ 1506 г., многіе повторяютъ, что на Арскомъ полѣ была знаменитая Казанская ярмарка, предшественница нынѣшней Нижегородской, куда привозили разные товары изъ далекихъ странъ Востока; нѣкоторые рисуютъ даже грандіозныя картины этой ярмарки на Арскомъ полѣ. Но указанное мѣсто Казанской лѣтописи повѣршиій русскій историкъ Соловьевъ приводитъ только въ примѣчаніи, а не вносить въ текстъ, какъ сдѣлалъ Карамзинъ. Соловьевъ считаетъ невозможнымъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, признать это мѣсто лѣтописи достовернымъ и справедливо замѣчаетъ вообще о малой достоверности разныхъ показаній этой лѣтописи. Я, съ своей стороны, могу указать на Герберштейна, который прямо указываетъ на другое мѣсто бывшей Казанской ярмарки—гостинный, т. е. купеческій островъ, находившійся, по объясненію Герберштейна, на Волгѣ, недалеко отъ Казанской крѣпости.

Со стороны Арскаго поля было и нападеніе Пугачева на Казань.

Какъ было выше объяснено, Арское поле до завоеванія Казани и долго послѣ этого далеко входило въ предѣлы нынѣшняго города, но въ послѣднее время оно всё болѣе и болѣе стѣсняется новыми постройками. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ стояли при вѣздѣ въ городъ съ Арскаго поля Сибирскіе ворота, около Варваринской церкви, изображеніе ихъ еще находится въ извѣстномъ собраніи Казанскихъ видовъ г. Турнереля; но въ настоящее время замѣтны только немногіе остатки этихъ воротъ, и за ними простирается цѣлая слобода, за

которую уже далѣе начинается открытая Сибирская дорога. Передъ этою дорогою нѣсколько лѣтъ тому назадъ остановился извѣстный путешественникъ по Россіи и описатель ея Шницлеръ, онъ посмотрѣлъ на эту дорогу, какъ на столь извѣстный въ исторіи путь ссыльныхъ въ Сибирь, и въ своемъ сочиненіи о Россіи (*Les institutions de la Russie*, 2 ч., стр. 472) говорить: «nous avons vu le point de la route où l'imagination place sur un poteau cette inscription: *Lasciate ogni Speranza!*»

Швейцарія. Арское поле высокими уступами обрывается къ рѣкѣ Казанкѣ, вершины этихъ уступовъ доселѣ покрыты лѣсомъ: сначала отъ города идетъ садъ Родіоновскаго института (роща кн. Болховскаго), съ нимъ граничитъ Русская Швейцарія, далѣе кладбище—Куртино, роща Сласо-Преображенскаго монаст.—Подсѣка и наконецъ за построеннымъ въ 1869 г. Казанскимъ центральнымъ домомъ умалишенныхъ—Нѣмецкая Швейцарія.

Мѣстность, называемая нынѣ «Русскою Швейцарією», въ первый разъ такъ названа въ началѣ нынѣшняго столѣтія казанскими гимназистами. При «Семейной Хроникѣ и Воспоминаніяхъ» Аксакова приложено нѣсколько отрывковъ изъ издаваемаго въ 1804 г. гимназистами рукописнаго журнала «Аркадскіе пастушки», между прочими статьями напечатана статья Ник. Панаева, товарища по гимназіи Аксакову, подъ заглавіемъ: «Швейцарія въ Казани». Здѣсь авторъ рассказываетъ, что онъ, гуляя однажды по окрестностямъ Казани, зашелъ въ неизвѣстное мѣсто, которое ему напомнило Швейцарію: онъ видѣлъ передъ собою горы, овраги, ему представилось даже что-то похожее и на Чертовъ мостъ, знаменитый переходомъ черезъ него Суворова. Товарищи Панаева также хвалили это мѣсто и съ общаго согласія называли его «Казанскою Швейцарією», которая въ настоящее время называется «Русскою» въ противоположность «Нѣмецкой», сосѣдней съ нею.

«Нѣмецкая Швейцарія» сдѣлалась извѣстною со времени профессора Казанскаго университета Фогеля, который лѣтъ 40 тому назадъ изслѣдовалъ у подошвы этого холма рудники, думая найти въ нихъ какія нибудь цѣлебныя свойства. Оказалось, что ключи даютъ обыкновенную воду; но профессору понравилась эта мѣстность, онъ выбралъ ее для своего дачнаго пребыванія и собственною рукою насадилъ березовую и сосновую рощи, которыя расположены нынѣ на западномъ склонѣ холма. Со времени Фогеля и до настоящаго—здѣсь живутъ только нѣмцы, которые выстроили нѣсколько дачъ. Народъ эту мѣстность, особенно извѣстную по снабженію ею изъ своихъ ключей жителей города лучшею водою, называетъ «нѣмецкимъ гуляньемъ».

Пороховой заводъ. Съ противоположной отъ Арскаго поля стороны, въ окрестностяхъ города, обращаетъ на себя вниманіе Пороховой заводъ, который занимаетъ высокое, песчаное мѣсто близъ берега р. Казанки, противъ Зилантова монастыря.

Мѣсто производства пороха называется «городокъ»—это огромный огороженный садъ. Слѣдовательно это городокъ въ древнемъ смыслѣ—огороженнаго мѣста, затѣмъ здѣсь располагается цѣлый городокъ въ новѣйшемъ смыслѣ—большаго заселеннаго и застроеннаго домами мѣста: домъ командира и другихъ чиновъ завода, казармы и пр. Всѣ эти зданія составляютъ цѣлыя двѣ слободы съ прямыми правильными улицами—ближнюю и дальнюю или Татарскую. Кромя того къ заводу принадлежатъ построенныя вдали каменные пороховые магазины и погреба.

Пороховой заводъ основанъ при Екатеринѣ II и составляетъ какъ-бы свой особый, отдѣльный отъ города міръ; имѣетъ свою исторію и преданія.

Услонскія горы. Наконецъ, остановимся на послѣднихъ границахъ Казани, которыя видѣются съ той стороны Волги— это Услонскія горы: Верхняя и Нижняя, по уступамъ и подошвамъ которыхъ, у берега Волги, располагаются селенія того же названія.

Противъ Верхняго Услона въ Волгу впадаетъ Казанка. Верхній Услонъ замѣчательнъ и по историческимъ воспоминаніямъ; здѣсь, на священническомъ погостѣ или огородѣ, находится могила княгини Меншиковой, которая умерла на дорогѣ, во время ссылки въ Сибирь. Услонскіе старожилы рассказываютъ, что княгиня умерла около селенія «Вязовыя горы», а тѣло ея перевезли для погребенія въ Услонъ; мужъ ея, только что передъ тѣмъ распорядившій судьбами Россіи, самъ читалъ надъ нею молитвы, самъ вырылъ могилу и похоронилъ свою несчастную жену. Говорятъ, что надъ могилою Меншиковой была построена церковь, но она сгорѣла; а надгробный памятникъ частію разрушился, а изъ надписи на немъ можно разобрать только слова: «здѣсь погребено тѣло рабы Божіей Д...»

Стоящія передъ Волгою Услонскія горы какъ будто бы заслоняютъ Казань отъ остальнаго міра—Европы; на нѣкоторыхъ иностранныхъ географическихъ картахъ здѣсь проводятъ черту—отдѣляющая Европу отъ Азіи. Гдѣ же мы?